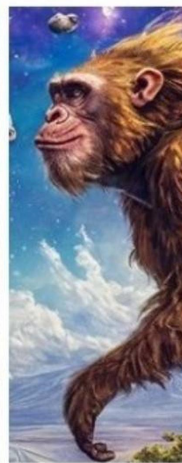

Леонид Кудрявцев

Дорога миров

Леонид Кудрявцев

Дорога миров

<https://litres.ru/74134074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник из двадцати семи избранных лучших рассказов Леонида Кудрявцева. Здесь есть: отважные герои и жулики, красавицы и весьма необычные инопланетные создания. А также: приключения в фэнтезийных мирах, в космосе, дорога с которой можно попасть в любой мир, даже в миры, построенные по законам сюрреализма, странные, невозможные. Все это нанизано на острый, занимательный сюжет и приправлено легким, немного парадоксальным авторским юмором.

Содержание

Раздел: ТРИБЮТЫ (Подолжения)	4
БАЛЛАДА О ДРАКОНЕ	5
...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ	56
Раздел: Я ПАСУ ДЕДУШЕК	71
КАРУСЕЛЬ ПУШКИНА	72
Н	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Леонид Кудрявцев

Дорога миров

Раздел: ТРИБЮТЫ (Подолжения)

От автора:

Многие писатели начинают с копирования стиля признанных мастеров. Потом они находят свою дорогу, но стартуют, как правило, с этого. Я же «заехал на чужое поле» уже будучи признанным автором. Правда, не по собственному почину. В конце девяностых меня позвали в сборник по Стругацким «Время учеников», а лет пятнадцать спустя издатель из Польши любезно предложили мне участие в сборнике трибютов по Сапковскому «Ведьмачьи легенды». Причем в обоих случаях последним этапом отбора текстов являлось прочтение их самими создателями миров, в которые разрешалось заглянуть, (в случае со Стругацкими это был Борис Натанович), с правом забраковать любой предложенный текст, если он не понравится. Поскольку оба рассказа в итоговых сборниках напечатали, можно предположить, что мэтры мои тексты одобрили. Я рад, что сумел хотя бы так выразить свое уважение авторам, достигшим самых высот жанра, работе в котором я отдал большой кусок своей жизни.

БАЛЛАДА О ДРАКОНЕ

1.

Слуга, вышвырнувший Лютика из кареты, был здоровым как медведь. А золота на его ливрее поблескивало столько, что поэт мог бы прожить на него целый год. Очень неплохо, в тепле и сытости.

Шлепнувшись в дорожную пыль, Лютик спросил:

— За что?

Рядом с ним упала лютня. Струны ее тихо звякнули.

— Думать надо, господин поэт, прежде чем распускать язык, общаясь с благородными дамами, – мрачно сказал слуга. – И руки.

Бард не удостоил его взглядом. Смотрел на карету. Занавески на ее окне даже не шелохнулись.

— Инесса! – позвал Лютик.

— Дурак ты, братец, — сообщил слуга. – Поклоны бей прекраснейшей, что так обошлось. Будь моя воля, я бы ремнями спустил тебе кожу с задницы.

— Не сомневаюсь, — по-прежнему не отрывая глаз от окна кареты, пробормотал поэт. – Это ты умеешь.

Лакей пожал плечами и залез на запятки. Кучер щелкнул бичом, и карета тронулась.

— Эх, женщины... — вздохнул поэт.

Он встал и стряхнул с одежды пыль. Подобрал лютню, внимательно ее оглядел. Струны уцелели, корпус не треснул. Пошарив по карманам, Лютик извлек тощий кошелек. Пересчитав в нем монеты, пробормотал:

— Женщины... будут и другие.

— Уверен? — послышался у него за спиной хриплый голос.

Поэт обернулся.

Так и есть. Два типа в кожаных потертых куртках, с мечами в руках. Гнусно улыбающиеся.

— Последний раз подобный подарок от судьбы я получил в детстве, — сообщил тот, что стоял справа. — Моя сестренка—стерва опрокинула на себя котел кипятка.

— Имейте в виду, — сказал Лютик. — У меня богатые покровители, и меня будут искать. Стоит мне только сказать...

— Значит, придется позаботиться, — прорычал стоявший слева, — чтобы они ничего не узнали. Смекаешь, как это можно сделать? Ну-ка, давай сюда денежки, да поживее.

— Одежка у него хорошая, — сказал стоявший справа. — И сапоги... мне они.

— Там посмотрим, — ощерился его товарищ. — Сдается, мне они тоже на ноги налезут.

— Ах, вот как?

Злобно ухмыляясь, бандиты глянули друг другу в глаза.

Сообразив, что настал удачный момент задать стрекача, Лютик резво отпрыгнул в сторону и словно заяц кинулся на-

уток. Он вломился в придорожные кусты и протаранил их, не обращая внимания на терзавшие одежду ветки. Дальше был овраг, и поэт, не сбавляя хода, кинулся в него. Лютно он крепко прижимал к груди, стараясь уберечь. Одежда – дело наживное, а вот хороший инструмент найти не просто.

Каким-то чудом умудрившись не упасть, Лютик оказался на дне оврага. Неподалеку бухали сапоги преследователей. Понимая, что попытавшись взобраться на крутой склон, можно попасть им в руки, поэт побежал по дну.

Под ногами пружинили прошлогодние листья, хлюпала вода, трещали гнилые сучья. Бандиты не отставали, ломились по краю оврага, стараясь не выпустить его из виду. Вот один из них крикнул:

— Бегай, не бегай, а от нас не уйдешь! И не таких ловили!

— Уйду, — пробормотал Лютик.

Лог впереди раздваивался. Опыт подсказывал, что избавиться от погони удастся лишь там.

Преследователи бегут по левой стороне, прикинул поэт, и на развилке, конечно, кинутся вниз. Там нужно прибавить скорости и свернуть направо. Главное, не влететь в тупик. Это – смерть.

Судьба была на его стороне. Свернув в нужную сторону, Лютик обнаружил, что лог через несколько метров опять раздваивается. Слыша за спиной громкие проклятья сбегающих вниз бандитов, поэт достиг развилки и свернул влево. Вскоре лог опять разделился. На этот раз следовало свернуть

вправо. Чем заканчивается это ответвление, рассмотреть не представлялось возможным. Склоны его густо поросли плакучими ивами, и ветки их, опустившиеся чуть ли не до земли, закрывали обзор.

Еще одна удача!

Под прикрытием веток бард бросился вверх по склону. Он знал, что от этого рывка зависит все, и работал ногами из последних сил. Преодолев подъем, он остановился и почти без чувств привалился к стволу ближайшего дерева. Вот теперь следовало отдышаться и оглядеться.

Минуты через три стало понятно, что преследователи его след потеряли. Судя по доносившимся из оврага звукам, они все еще бегали по его дну, искали добычу в одном из ответвлений. Самое время уйти.

Лютик осторожно сделал шаг назад и прислушался. Отошел еще немного и вновь замер.

Похоже, его маневры остались незамеченными.

Приободрившись, поэт развернулся и, стараясь ступать как можно тише, двинулся прочь.

Из оврага доносилось:

— А ведь добыча ускользнула! И все из—за тебя, мохнорылый осел!

— Да что б тебя...! Сам такой, петух гамбургский!

Лютик улыбнулся.

Сочно ругаются. Если задержаться, наверняка можно услышать и не такое. Только стоит ли рисковать? Отдохнуть

бы, привести одежду в порядок, да заморить червячка.

На дорогу он выйти не решился. Побрел лесом, стараясь не потерять ее из вида, не заблудиться. К вечеру ему встретился Райдо

2.

Место для отдыха выбрали в сухой ложбине между холмами. Там костер с дороги был совершенно не виден.

Они сидели у огня рядом. Райдо жарил на вертеле тушку зайца. Вполголоса чертыхаясь, Лютик пытался зашить дыру в камзоле. Получалось вкривь и вкось.

— Неважно шьешь, — взглянув на его работу, улыбнулся Райдо. — Опыта явно маловато.

Черты лица у него были грубые, невыразительные, но даже мимолетная улыбка изменила их, словно бы высветила. Стало видно, что новый знакомец поэта на самом деле не стар. Вот лицо его вновь посуровело. В углах рта пролегли резкие морщины, добавили лет пятнадцать.

— Это у меня маловато? — проворчал Лютик. — Да я на своем веку зашил прорех не меньше иной портнихи. Света от костра не хватает. Будь он больше, уж я...

— Плохому танцору знаешь, что мешает?

— Плохому? — хмыкнул поэт. — Да ты видел, как я танцую? Никто так не умеет.

— У каждого своя работа, — напомнил Райдо. — Ты поешь и танцуешь, а я помогаю мастерить оружие.

Он кивнул на большой арбалет, лежавший в пределах досягаемости руки.

— Здесь, в лесу? – фыркнул Лютик.

— Нет, конечно. Иду в вольный город Джакс. Для искусного подмастерья кое-какая работенка там обязательно найдется. Уверен.

Выглядел подмастерье и в самом деле справно. Широкоплечий и явно очень сильный. Он и двигался, как положено рабочему или военному человеку, ловко, уверенно. Меча, кстати, при нем не было. На поясе висел лишь обычный нож, без которого любому в дороге просто беда. Значит, и в самом деле – подмастерье.

— А почему не постоянная работа? – спросил поэт. – Я думаю, тебя любой мастер к себе возьмет.

— Да только я не пойду, — ответил Райдо. — Не могу сидеть на одном месте. Вот и имя у меня... матушка как чувствовала. Знаешь такую руну?

— Конечно. Значит, так всю жизнь и рассчитываешь бродить от города к городу?

— А ты?

Вопрос застал Лютика врасплох. Он хмыкнул, почесал в затылке. Искоса взглянул на подмастерье и, наконец, выдавил:

— Ну... думаю, я просто до нее не доживу.

— Надеешься на удачу, стало быть? – уточнил Райдо.

— Чем не вариант?

Сказано это было с беспечным видом.

— Понятно, — промолвил подмастерье. — Тогда давай ужинать и ложиться спать. А одежду зашьешь завтра, прежде чем тронемся в путь. Думаю, в Джаксе будем к обеду, не поз-же.

Он снял с огня вертел, освободил от него тушку кролика и ловко разделил ее на две половины.

— Благодарю, ты очень любезен, — учтиво сказал Лютик.

Следующие минут пятнадцать возле костра не было произнесено ни слова. Зато раздавалось причмокивание, слышался хруст разгрызаемых костей и прочие звуки, сопутствующие трапезе мужчин, прилично оголодавших и не стесненных присутствием женщин.

После того как с едой было покончено, Лютик прилег прямо у костра. Удивительно, но ему вдруг стало совершенно плевать на то, что его модный кафтан запачкается. Хотелось только лежать на траве, смотреть в ночное, усеянное бесчисленными звездами небо, ковырять в зубах заостренной палочкой и ни о чем не думать.

Немного погодя его из этого приятного состояния вывел вопрос подмастерья:

— А что тебе нужно в вольном городе Джаксе? И каким боком это связано с живущим возле него драконом?

— Баллада, — ответил поэт.

Райдо удивился:

— Какое отношение к дракону может иметь треньканье

на лютне и рифмованные слова?

— Хочу написать балладу о драконе. Их почти не осталось, между прочим.

— Баллад?

— Драконов, конечно. А такой, как в вольном городе, уживающийся с людьми, вообще один на свете. И есть люди, сумевшие подружиться с драконом. Разве это не удивительно?

— Удивительно, — подтвердил подмастерье.

— Тут должна быть история для баллады. Я в этом уверен.

— И жители Джакса запросто откроют тебе своей секрет?

— Почему бы и нет? — пожал плечами поэт. — Ведь я — известный всему миру бард. Моя баллада сделает им рекламу. А кто откажется от рекламы? Как я понял, благодаря дракону город процветает.

— Вполне вероятно.

— Реклама еще больше увеличит их доходы.

— Думаешь, они мечтают о том, чтобы ты растрезвонил на весь мир условия сделки с драконом?

— А нет?

— Это им может не понравиться. Зачем плодить конкурентов?

Люттик поморщился.

— Да нет мне до этого дела. Хочу лишь написать балладу и желаю узнать, каким образом люди заключили союз с драконом. Готов поспорить, тут не обошлось без доли романти-

ки. Большая любовь, предательство, кипение страстей. Вот материал, для талантливого произведения.

— А если его не найдется? – спросил Райдо.

Поэт вздохнул, поудобнее подсунул под голову шапочку с пером цапли.

— Ну, тогда его и в самом деле придется придумать.

— Не проще ли это сделать уже сейчас?

— Что ты понимаешь? Для появления шедевра должна быть соблюдена проверенная временем процедура.

— Точно так, как если бы кто-то попытался выковать подкову?

— Все действия, строго по порядку.

— Кто бы мог подумать? — удивился подмастерье. — Неужели и в поэтическом ремесле все серьезно, как в любом ином?

— Еще серьезнее, — заявил трубадур.

— Спи-ка ты, братец. Необходимо восстановить силы. Они тебе в вольном городе Джаксе понадобятся. А баллада... основания для нее найдутся. Возможно, не такие, как тебе мнится, но найдутся.

3.

Пьянчужка с необъятным пузом и красной, словно на-тертой свеклой физиономией, вывалился из двери трактира, добрел до середины улицы и, споткнувшись, плашмя рухнул в огромную лужу. Прямо на спавшую в ней бурю свинью.

Удивительное дело, но хавронья от этого даже не проснулась. Пару раз довольно хрюкнула и тут же затихла, с блаженным выражением на морде. Громко выругавшись, пьяница поерзал, устраиваясь поудобнее, и, наконец, уснул. Голова его покоилась на свиной ляжке. Во сне он блаженно улыбался.

— Трогательный союз, — пробормотал Лютик. — В вольном городе Джаксе.

Он оглянулся и увидел, как на втором этаже дома, мимо которого только что прошел, открылось окно, и из него высунулась изящная ручка с ночным горшком. Уверенное, отработанное движение, и лужа, в центре которой находился символ единения человеческой и животной природы, пополнилась.

— Ручка, — плотоядно улыбнувшись, пробормотал поэт. — Красивая. Кто бы подумал?

Он даже замедлил шаг, пытаясь измыслить способ познакомиться поближе с красоткой. Почти придумал и тут же забыл об этом, углядев впереди вывеску корчмы «Хвост дракона». Душа его устремилась к ней, а Лютик велениям души привык следовать.

Возле самого корчмы он нос к носу столкнулся с лакеем в расшитой сверх меры золотом ливрее.

— Выжил? — удивился тот, загородив ему дорогу. — Странно. Там, где я тебя высадил, было еще два путника. Они смахивали на людей, способных ухватить удачу за хвост. И тем не менее ее упустили... Ну и прыток ты, господин рифмо-

плет, ну и прыток!

— А ты меня считал рохлей? – ухмыльнулся Лютик.

— Разве не так?

— А уж кем я считаю тебя...

— И кем?

Лютик ухмыльнулся и сказал. Как и каждому человеку, работающему со словом, вдохновения по части ругани ему было не занимать.

— Это как такое может получиться? – удивился лакей. – Вроде бы – против природы.

— Будь у тебя в голове мозги, — честно ответил поэт, — мог бы и сам сообразить. Вернувшись в отчий дом, задай пару наводящих вопросов матушке.

Дальше следовало изящно обойти здорovenного обалдуя и с достоинством удалиться. В теории.

Увы, удалось это лишь частично. Как только Лютик повернулся к лакею спиной, тот тотчас дал ему пинка. А силушки у него оказалось немало. Поэт преодолел некоторое расстояние по воздуху и приземлился на кучке лошадиного навоза. Поскользнувшись, он сделал еще несколько шагов и, не удержав равновесия, рухнул на дорогу. По счастью, не в лужу.

Поднимаясь и отряхивая одежду, Лютик слышал довольный гогот лакея. Не обращая на него внимания, бард поднял с дороги лютню и внимательно ее осмотрел. Инструмент остался цел. Теперь можно было дать волю эмоциям.

— Мерзавец! — повернувшись к обидчику, крикнул поэт.
— Ты за это заплатишь!

— Еще хочешь? — нагло ухмыляясь, спросил лакей. — Топай восвояси, рифмоплет. Отомстит он, вы слышали? Не в этой жизни.

— Я... я... — пробормотал Лютик.

— Сочинишь обо мне песенку и станешь ее гнусить на каждом углу? Валяй, старайся. Мне нет до этого дела. Однако если посмеешь упомянуть в ней мою госпожу — не пощажу. Найду где угодно и удавлю как паршивого щенка. Осознал? Хоть слово, хотя бы намек на нее...

Чувствовалось, сказано это от чистого сердца.

Лютик взглянул на лакея с интересом. Участиливо спросил:

— Значит, ты даже не для себя стараешься?

— О престиже хозяйки забочусь. Тебе, бродяге и пройдохе, этого не понять.

— Где уж мне... — хмыкнул поэт. — Не приспособлен я так о чужом заботиться.

— Издеваешься? — вскипел лакей. — Да я тебя...

Не дожидаясь продолжения, Лютик пошел прочь. Голову он старался держать высоко, а спину — прямо. Показывал, что врага совсем не боится. А тот, и поэт это слышал, сделал было вдогонку пару шагов, но вдруг остановился. Передумал. Скорее всего потому, что неподалеку показались стражники.

— Советую, — услышался голос лакея, — уходи из го-

рода! Прямо сейчас и уходи. Мы будем здесь еще долго. Я не хочу, чтобы моя госпожа где-нибудь узрела твою слащавую физиономию. Не желаю. А не уйдешь, быть тебе битым каждый раз, как встретимся. Быть!

Лютик только покачал головой

— Слащавую? – пробормотал он. — Это-то с чего? Ну, лживой и подлой мою физиономию уже называли, но слащавой? Не понимаю.

— Не связывайся ты с ним больше, милоч, — сказала ему сердобольная бабка, торговавшая возле корчмы вяленой рыбой. — Здоровый больно. А заднюю часть полечи. Вон как саданул, ирод. Знахарка живет недалеко от ворот. Серой горючей лечит, очень знатно.

Лютик только хмыкнул.

А то он раньше пинков не получал? Да десятками. Из-за каждого бегать к знахаркам, никаких денег не напасешься.

В корчму заходить на глазах у лакея не следовало, и Лютик ее миновал. Настроения его это не улучшило. Хотелось пива и развлечений.

Он даже успел отойти от «Хвоста дракона» с полсотни шагов, когда к нему привязался мальчишка.

— Добрый дяденька, дай монетку!

Лютик не удостоил его даже словом, не замедлил шаг.

— Дяденька, я вижу, ты добрый. Дай сироте медную монетку. Одну. Бога ради.

Поэт взглянул на мальчишку.

Удивительно дело, но грязным тот не выглядел. Одежда на нем, конечно, оказалась не новой, заплатка – на заплате, но наложены они были аккуратно, мастерски. Это обнадеживало. Профессиональные попрошайки врут не задумываясь, а такой мог и правду сказать.

— Заработай, — предложил Лютик.

— Как?

Поэт вытащил из кошелька медную монету.

— Ответь на вопросы.

— И только?

— Да, расскажи мне о драконе, для начала. В подробностях. Я желаю знать о нем как можно больше. Видишь ли, мальчик, я знаменитый поэт и провожу предварительный сбор информации для нового произведения. Вникаешь?

Сказав это, Лютик величественно вскинул голову.

— Думаю, лучше всего информация собирается за столом, — мальчишка хитро прищурился. — Не так ли?

— Возможно.

— А где можно знатно посидеть, как не в корчме? Вот она, рукой подать. Ну, а попав внутрь, грех не угоститься. Не так ли, милсдарь известный поэт?

Лютик оглянулся.

Корчма никуда не делась. А вот лакей уже ушел. Значит — путь свободен, да и повод подвернулся.

— К чему ты клонишь, шельмец?

Мальчишка пожал плечами.

— Не прибавишь ли к обещанной монете какую-нибудь еду? На сытый желудок я всю подноготную выложу как есть. До донышка.

Вздыхнув, поэт заявил:

— Парень, а ты ведь большой плут.

— Выживаю, всего лишь, — ответил мальчика. — Мамка умерла, папку убили. Кусок хлеба дать некому. Приходится крутиться.

Глаза у него были такие же голубые, как и у Лютика. И очень честные. В них прямо таки читалось, что если ребенка не накормить, тот к вечеру умрет от голода.

4.

— ... и тогда в поле пред городскими стенами вышли все живущие в городе. Во главе... них... выступал мэр города и старшины. В самой лучшей одежде, между прочим, с цеховыми дудками, барабанами, знаменами. Ну, то есть не мэр их нес. Для того есть специальные люди. А дракон, между прочим, прилетевший заключить перемирие, их уже ждал, лежал в дальнем конце луга, огнем попыхивал. И вот старейшины, а также мэр...

Лютик зевнул.

— Не интересно? — спросил мальчик.

Как оказалось, его звали Хватом.

— Не очень, — ответил поэт. — Слышал я эту историю раз шесть. Есть отличия в мелких деталях, а по сути она все та

же. Лучше расскажи мне о городе.

— Ты заплатил, — напомнил мальчишка. — Хочешь знать, почему эта корчма называется «Хвост дракона»? А известно тебе, что на другом конце города есть еще одна, с вывеской «Голова дракона»? Угадай, как окрестили заведение в центре города?

— «Туловище дракона»? — предположил Лютик.

— Оно тоже есть. Там их несколько, и каждое названо какой-то частью тела дракона. В этом городе все с ним связано. Ты разве не заметил?

— Понятно. А сам-то ты дракона видел?

— Зачем мне это? — удивился мальчишка. — Да и не хочу я в золу превращаться.

— У города с драконом заключен мирный договор, — напомнил Лютик, — целых две сотни лет.

— Первым он никогда не нападает, — сообщил Хват, — но на глупцов, вздумавший его беспокоить, соглашение не действует. Они отправляются напрямик к его пещере и там поединничают с ним. Для всех прочих дорога закрыта.

— Часто появляются желающие сразиться?

— Конечно.

— Дорогу кто-то охраняет?

— Ну да, — подтвердил мальчишка. — Стража города, и есть еще рыцари дракона. Они берегут его покой. Чужой обмануть их не сумеет. Другое дело — местные, которым известны все тропинки. Только они к пещере не ходят. Вдруг

это дракону не понравится? Кормилец он наш.

— И твой?

— А как же? – озорно улыбнулся Хват. – Кто бы меня угостил, дал обещанный грошик, не будь его?

Лютик хмыкнул.

— Дам, но сначала ответь...

— Пошто мальчика мучаешь? – спросил Райдо, подсаживаясь за стол.

В руке у него была кружка пива.

— Мальца? – буркнул Лютик. – Жрет он, между прочим, как слон. Есть за морем такой зверь, размером с гору.

– Дай ему, что просит, и пусть топает отсюда. Все, что он может поведать, запросто способен рассказать и я. А ему до- мой пора, сдается мне.

— Он бездомный, — сказал Лютик.

— Ну да? – удивился подмастерье. – А я вот, когда шел сюда, видел искавшую постреленка женщину. По ее описанию твой собеседник очень на него походит. Эй, малец, что скажешь?

— Пусть монетку отдаст сначала, — Хват насупился. – Обещал.

— Отдай, — приказал Райдо. – Я не без пользы в вольном городе полдня ошивался. Что искал, пока не нашел, но зато узнал много любопытного.

Лютик удивленно глянул на него.

— А вот это что-то интересное. Тебе вроде бы до дракона

нет дела? И работа... Ты работу искал.

— Монету... дай монету... — канючил мальчишка.

Поморщившись, Лютик полез в кошелек. Получив плату, мальчишка крепко стиснул ее в кулачке и кинулся к выходу из корчмы быстрее спасающейся от волкодава кошки. Проводив его взглядом, поэт отхлебнул из своей кружки и потребовал:

— Рассказывай.

— Охотно, — слегка улыбнувшись, сказал Райдо. — Я, как ты уже успел заметить, тоже заинтересовался историей дракона и провел собственное расследование. Подозреваю, источники информации у меня более сведущи. Тебе рассказали о шахтах?

— О шахтах?

— Ну да. Там добывали рубины. А драконы их любят, как ты знаешь. Говорят, что ящер появился здесь именно из— за них.

— Вот как? — Лютик придвинулся к собеседнику поближе. — Давай, выкладывай.

— Без проблем...

Как раз в этот момент на плечо поэта опустилась сильная рука, и хриплый голос сказал:

— Ты, что ли, рифмоплет Лютик?

— Ну, я, — даже не пытаясь оглянуться, ответил поэт.

Он знал, кто имеет обыкновение именно так начинать разговор.

— Мэр хочет тебя видеть. Велено доставить добром. А если надумаешь артачиться...

5.

— ... и поскольку я его величеству угодил, — закончил Лютик. — услышав о моей судьбе, он может посчитать, что в вашем городе не любят искусство и просвещение. Большой грех, наказывающийся безжалостно. Повторяю — безжалостно. Зачем вам подобные проблемы из—за какого—то виршеплета и его совершенно невинных расспросов?

Погладив висевшую на груди золотую цепь, знак занимаемой должности, мэр пророкотал:

— Да плевать мне. У нас вольный город. Понимаешь, что это означает? Нам никто не указ. А надумают воевать, так милости просим. Огненного дыхания дракона не кушали? Быстро лечит оно от мыслей о насильственном просвещении. Проверено. Были инциденты лет сто назад. После них никто нам недовольствия выражать не пытается. Даже далеко за пределами города.

— Вот как? — спросил Лютик.

Он понимал, что мэр не обманывает. Статус вольного города и умная налоговая политика приносили солидный доход. Ну а большие деньги даруют безнаказанность и открывают для мести неограниченные возможности. При желании.

— Не осознаешь? — спросил мэр.

Он был толст, имел даже не двойной, а тройной подбор-

док, но, судя по глазам, умом отличался недюжинным.

— Осознаю, — признал Лютик.

— Это неплохо.

— Мне вот интересно, как вы проведали о моем прибытии в город? – спросил поэт. – Все-таки я не настолько популярен, чтобы меня узнавали на улицах.

Мэр пожал плечами.

— Можно и сообщить, ибо человеку, предупредившему о твоём появлении в городе, ты не малейшего вреда причинить не сумеешь. Руки коротки, даже для любимца августейших особ.

Он криво ухмыльнулся.

— Здоровенный такой, весь в золоте? – спросил Лютик.

Мэр едва заметно кивнул.

Вид у него в этот момент был, как у жабы, поймавшей жирную муху. Очень довольной жабы.

— Вот отольются кошке мышкены слезки, — в сердцах сказал поэт.

— Ближе к делу, — напомнил мэр. – Я желаю, чтобы твоя баллада получилась... гм... достаточно лояльной по отношению к моему городу. Понимаешь, о чем я?

— Цензура?

— Она самая. Предупреждаю, шаг вправо, шаг влево... дальше – ты знаешь.

Как бы в подтверждение его слов в коридоре лязгнули железом о железо, слышались тяжелые шаги одного из нахо-

дившихся там стражников.

— Договорились, — сказал Лютик. — Но за это...

— Закончив балладу, уйдешь из города целым, невредимым. Я сильно в этом сомневаюсь, но если произведение окажется написанным с должной степенью таланта, твой кошелек пополнится. Реклама нам не помешает.

— А материалы, источники... — встрепенулся поэт.

Мэр поморщился.

— Да, конечно. Тебе откроют доступ в архив. Можешь там копаться сколько угодно. Все?

Лютик почесал в затылке.

— Да вроде...

— Тогда у меня есть еще несколько важных вопросов. Некто, сообщивший о твоём появлении, утверждает, будто ты являешься старинным другом ведьмака Геральта, известного истребителя чудовищ. Так ли это?

— Так.

— Верно ли, что ты явился сюда с намерением шпионить для ведьмака? Якобы он подрядился убить нашего дракона. А ты должен обнаружить его слабое место?

— Геральт никогда не охотился на драконов! — воскликнул Лютик. — Это против его правил. И кстати, почему вас это беспокоит? Я слышал, что любой странствующий рыцарь, любой охотник за удачей имеет право сразиться с драконом. А он настолько силен и ловок, что до сих пор его никому победить не удалось. Ему ли ведьмака бояться?

— Он никого не боится. А мы заботимся о его здравии. Так называемые герои имеют полное право на поединок. Даже дракон должен время от времени развлекаться. Ну и конечно экономия средств, отпускаемых на его прокорм, только приветствуется. А вот профи к пещере прохода нет. Многие из них убивают чудовищ с помощью хитрости, подлости, колдовства. Что, если Геральт таким образом уничтожит основу нашей свободы?

Мэр замолчал, задумался.

В коридоре опять звякнуло, снова прогрохотали тяжелые шаги. Лютик попытался прикинуть, зачем стража навешивает на себя так много железа. Вроде бы на дворе — не война? Зачем они потеют в своей нелепой сбруе? Он хотел даже поинтересоваться об этом у мэра, но чудовищным усилием воли сдержался.

— Значит, у твоего дружка нет планов посетить Джакс? — наконец спросил мэр.

Чувствовалось, решение он уже принял и задает вопрос лишь для порядка.

— Еще раз повторяю, с драконами ведьмак не воюет, — ответил поэт.

— А сам ты приехал лишь желая написать балладу? А?

— Именно так.

— И мы договорились? Как только вдохновение тебя посетит, уедешь, не забыв ознакомить меня с его плодами?

— Обязательно.

Еще немного помолчав, мэр изрек:

— У меня было искушение провести этот разговор в более живописной обстановке. Ну, знаешь, цепи на стенах, пылающий горн и дяденька в красном колпаке, с набором блестящих инструментов. Там бы ты рассказал многое. Там все поют как соловьи, а баллады сочиняют махом. К счастью, меня твои тайны совершенно не интересуют. Пока. Учти, один необдуманный поступок может переменить все.

— Я понимаю.

— Замечательно. А теперь топай отсюда.

Чувствуя невыразимое облегчение, Лютик встал со стула и двинулся к двери. Он даже успел сделать два шага, но тут природное любопытство одержало верх, и, обернувшись, поэт спросил:

— А как же война?

— О чем ты? – поинтересовался мэр.

— Ну, война. Если дракону может навредить один профи, как его можно использовать на поле боя?

Мэр пожал плечами.

— На войне дракон сжигает огнем с неба, наносит массивный урон. Главное, его присутствие вселяет в солдат уверенность в непобедимости. Уверенность на поле боя – дорогого стоит. А насчет профессиональных истребителей чудовищ... Ни один из них на поле боя не сможет даже близко к ящерицу подойти. За этим следят строго. Понял?

— Да,

— Умный мальчик. Кстати, некоему слишком ретивому лакею мои люди намекнут, что мешать творчеству известного рифмоплета не рекомендуется. Если надумает еще раз пустить в ход какую-нибудь конечность, очень быстро ее и лишится. А теперь – уходи, не мешай занятому человеку.

6.

Пыли в архиве оказалось более чем достаточно. Нашелся там и хранитель, до невозможности пропахший луком старичок. Провожая Лютика к выходу, он бормотал:

— Похвально, когда молодежь интересуется историей. Очень похвально.

— Редко подобных мне видишь? – нахально улыбаясь, поинтересовался поэт.

— Очень. Ты достойный молодой человек. Глядишь, настолько заинтересуешься, что и сам станешь архивариусом. Платят хоть и мало, но зато – почет и уважение. Со мной даже стражники здороваются, случается. Я – служивый человек, у города на содержании, как и они. Смекаешь?

— Заманчиво, конечно, — ответил Лютик.

— После моей смерти место это освободится. Подожди лет десять, и будешь жить — как сыр в масле кататься.

— Подожду.

Лютик толкнул толстую, обитую железными полосами дверь, и она со скрипом распахнулась. Архивариус еще что-то бубнил в спину, но поэт его уже не слушал. Он вышел из

башни архива, и его от свежего воздуха аж замутило. Привалившись к стене, он прикрыл глаза, поскольку их слепило солнце. И все не проходило ощущение, будто к пальцам его пристала покрывавшие ломкие страницы смесь из плесени, грязи и свечного сала. Хотелось немедленно вымыть руки.

Немного погодя полегчало. Поэт протер глаза, огляделся и двинулся прочь. Шагая кривым, поросшим крапивой переулочком, он думал о сведениях, которые обнаружил более чем за половину дня кропотливой работы. Пригодятся ли они ему? Вот в чем вопрос.

Впереди, уже совсем недалеко, шумела толпа, кричали торговки, кто-то свистел, хохотал, распевал песни. Там была базарная площадь. А здесь, в переулке, царили тишина и покой. Здесь все, казалось, замерло, словно архивная башня обладала свойством притормаживать время на прилегающем к ней пространстве.

Мысль показалась ему настолько безумной, что он невольно улыбнулся. Подумал даже, что есть еще у него порох в пороховницах. А значит, и баллада никуда не денется, получится достойной.

Переулок петлял. В очередной раз свернув за угол, Лютик резко остановился. Он даже подался назад, намереваясь пуститься наутек, да не успел. Три дюжих наемника подскочили к нему и, прижав к забору, взяли в полукруг.

— Что, стихоплет, жизни радуешься? – ухмыляясь, спросил один из них.

Отсутствие передних зубов делало его ухмылку отвратительной. Другой наемник, заросший до глаз длинной клочковатой бородой, сорвал с плеча поэта висевшую на ремешке лютню и небрежно отшвырнул прочь. Третий, с блеклым, совершенно неприметным лицом, оглянулся на стоявшего неподалеку человека в обильно украшенной золотом ливрее, спросил:

— Начинать?

— Сначала скажу ему пару слов. Ласковых.

Лакей подходил неспешно, глядел со скукой. К чему эмоции? Птичка уже попалась.

— Это для меня лишь работа, не более, — сообщил он, остановившись в паре шагов от Лютика. — Случалось делать и более грязную.

— Представляю, — с презрением сказал поэт.

— Не представляешь, — возразил лакей. — И в этом твое счастье.

— Мэру твоя работа не понравится. А он мэр вольного города...

— Меня предупредили, — сообщил лакей. — И я внял. Приучен. Поэтому сейчас я тебя и пальцем не трону. Все сделают некие незнакомцы. А поскольку их трое, то я всего лишь не стал тебя спасать. Побоялся. Какие у меня шансы против таких молодцов? Не правда ли, ребята?

— Так и есть, — буркнул бородач.

— Начинать? — вновь спросил неприметный.

— Да подожди, — сказал лакей. — Мы не договорили. Ну, еще разок чирикнешь? Не бойся, калечить тебя не будут. Так, бока намнут, чтобы ума добавить.

— Ума? — спросил Лютик. — Это о чем ты?

— Да о том, что пора бы тебе образумиться, — лицо лакея скривилось, словно он лимон попробовал. — Перестать шалопайничать, прекратить досаждать серьезным людям.

— И тогда серьезные люди более не будут нанимать мразь, для того чтобы она меня избил, поскольку бояться сделать это своими руками?

— Мразь — нехорошее слово, — сообщил бородатый. — За него придется расплачиваться и извиняться. Будет больно.

— Доплачивать клиент не будет, — продолжал хорохориться Лютик. — А такие, как ты...

— Ошибаешься, мы можем и бесплатно. Для собственного удовольствия.

— Начнем? — неприметный замахнулся, целясь жертве в челюсть.

— Стоп, — приказал лакей. — Рано еще. А ты, графоман убогий, рифмоплет вшивый, слушай, что тебе говорят.

Поэт вздрогнул. Зло спросил:

— Решил поиграть в доброго папочку, стало быть?

— И не собирался. Только вот сейчас надумал сообщить все, давно просившееся на язык. И выскажу, ибо такие, как ты, не могут не вызывать отвращения. Трутень ты, живешь за счет других. Тунеядствуешь, когда другим приходится зара-

батывать на жизнь в поте лица. Но учти, если не одумаешься, сдохнешь под забором, и никто не подаст тебе корочки хлеба. Старый, жалкий, ничтожный, никому не нужный.

— А ты, значит, собираешься встретить старость в тепле и довольствии? Рассчитываешь на благодарность тех, кому служишь? Ну и кретин! Выкинут они тебя в грязь и холод, как только обессилишь. Сомневаешься?

— О! Так у вас самый настоящий идеологический спор! В голосе бородатого слышалось неподдельное уважение.

— Не твое дело! – крикнул ему поэт.

— Заткни фонтан! – рявкнул лакей.

— В случае если клиент передумает, аванс не возвращается, — предупредил беззубый.

— Не волнуйся, — сказал ему Лютик. — У таких, как он, если деньги заплачены, отработать придется. Он за лишнюю монету удавится.

— Ах, ты...! – взвыл лакей

Поэт подумал, что вот сейчас-то его точно начнут бить. Ему захотелось закрыть глаза, но он не успел. Увидел, как со стороны базара, из-за поворота вышел Райдо.

Для того чтобы оценить ситуацию, подмастерью хватило одного взгляда.

— Развлекаетесь? – спросил он, приближаясь. — Не в том месте, позвольте заметить.

— Это почему? – спросил бородатый.

Он шагнул навстречу Райдо. Мгновением позже рядом

с ним оказался неприметный. Теперь Лютика держал лишь беззубый.

— Чем оно плохо, это место? – снова спросил бородатый.

Проходя мимо лакея, подмастерье на него даже не взглянул. Его интересовали лишь наемники.

Остановившись напротив них, он ответил:

— Тем, что вы оказались на моем пути.

— А нам на это плевать, — заявил бородатый. — Хочешь сыграть в благородного защитника?

— Почему бы и нет? – послышалось в ответ. – Тем более, что вы имели глупость выбрать объектом забавы моего знакомого.

— Ах вот как? – бородатый зловеще ухмыльнулся.

Он извлек из-под полы короткую узловатую дубинку, быстро двинулся к Райдо. Его напарник был полностью уверен, что защитник поэта бросится наутек. Он даже промедлил, кинулся в атаку не сразу. Это все и решило.

Бородатый успел только замахнуться. Райдо саданул ему кулаком в челюсть, и тут же, крутанувшись на месте, с силой впечатал противнику в живот локоть, сбил дыхалку. Да настолько удачно, что бородач выпустил из рук дубинку. Подмастерье успел поймать ее на лету. И тут же врезал по колену как раз подоспевшему неприметному.

Дубинка, видимо, была утяжелена свинцом. Наемник упал как подкошенный, взвыл белугой. А Райдо вновь повернулся к бородатому, почти без замаха ударил его по руке.

Громко хрустнула кость и наемник, прижав целой рукой к животу покалеченную, кинулся прочь.

— Я вас сейчас! – крикнул Рейдо, оглядывая поле боя в поисках противников.

Не с кем было драться. Беззубый с бородатым бежали. Неприметный ковылял прочь, постанывая и хватаясь за забор.

И все-таки по части драки мой спаситель не профессионал, отстраненно подумал Лютик. Не ощущалось в его движениях отработанности, достигаемой бесчисленными тренировками. Драться ему приходилось не раз, но схватка не является смыслом его жизни. Напор и скорость реакции, вот что позволило ему сейчас победить. Ну, еще и везение. Наемники недооценили противника, а когда поняли, какую совершили ошибку, было поздно.

Поэт вдруг осознал, что все еще стоит, прижавшись спиной к забору. Отодвинувшись от него, он вспомнил еще об одном участнике схватки. Ее вдохновителе. Не было его. Словно бы испарился, и даже непонятно, в какой момент.

— Ну и чутье... — пробормотал поэт.

— А не приходило ли тебе в голову взять и уехать из города? – спросил подмастерье, внимательно разглядывая дубину. – Учти, от тебя так просто не отстанут.

Скептически хмыкнув, он перекинул оружие через забор и скрестил руки на груди.

— Не могу, — сказал Лютик, — Я должен дописать балла-

ду. Должен, понимаешь?

— Даже если тебе при этом проломают голову?

— Не проломают.

Поэт поднял с земли лютню и внимательно осмотрел. Она оказалась целой.

— Зачем тебе баллада? – поинтересовался Райдо.

— Это моя работа. Думаю, я для нее родился.

— И каждый должен делать свою работу?

— Именно. Не будет удачи тому, кто пойдет против натуры.

Подмастерье улыбнулся.

— Правильная мысль. Однако я оказался здесь, поскольку шел по делу. А времени остается все меньше. Вечером будь в корчме, там договорим.

Поэт смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом.

7.

— Графоман, — пробормотал Лютик. – Точно – графоман.

Он в сердцах скомкал исписанный полностью с обеих сторон лист бумаги, швырнул его в угол. Горка там набралась уже приличная.

— Бумага денег стоит, — сказал кто-то за соседним столиком. – Купил бы лучше пива.

— Мается, бедолага, — слышалось от другого. – Каким

только образом люди с ума не сходят?

Тяжело вздохнув, поэт взял очередной лист из пачки, лежавшей перед ним на столе. Обмакнув перо в чернильницу, он взглянул на проходившую мимо молоденькую служанку. Вид у той был весьма аппетитный.

— Красавица, — сказал ей Лютик. — А не желаешь ли стать еще и музой?

— Сколько угодно, — сообщила та, останавливаясь, — за деньги.

Лютик вздохнул.

— Музы работают даром.

— Даром только птички поют, — фыркнула служка и пошла прочь.

Поэт проводил ее задумчивым взглядом и вновь взялся за перо. Немного погодя под усевшимся напротив Райдо скрипнула лавка.

— Понравится тебе, если зарифмовать «дракон» и «балкон»? — спросил у него Лютик.

— Давай лучше поговорим о другом, — подмастерье махнул рукой служанке.

Кружка с пивом появилась перед ним мгновенно. Верный знак кредитоспособности. У служанок на это чутье безошибочное.

— Кутить будешь? — предположил Лютик.

— Потом. А сейчас у нас есть дела. Меня заинтересовал местный дракон.

— Настолько, что ты полез за сведениями о нем в архив?

— Настолько. И полез. А тебя, как я понял, он интересует ради баллады. И ты тоже там покопался.

— Толку-то? У меня все еще нет истории, — пожаловался поэт. — Ни любви, ни ревности, ни страданий. Чем мне вызвать у слушателей сопереживание? Описанием дракона? Я его даже не увижу.

— А история его появления? — подсказал Райдо.

— История? Не спорю, она таинственная, сказочная можно сказать. Был город, живший за счет рубиновых шахт. Потом драгоценные камни в шахтах иссякли, и настали трудные времена. Тут вовремя появился мастер зверей и привел дракона. Город заключил с драконом соглашение. Потом была краткая эпоха войн, после которой соседи, хлебнув драконьего огня, решили, что орешек им не по зубам. Далее настала пора полного благоденствия, длящаяся до сих пор. Скука смертная. За такую историю и медной монеты не дадут.

— Мастер зверей? Что-то я о таких людях не слышал. Где о нем поминается?

— В архиве, в дальнем шкафу, — сообщил поэт. — Под налоговыми книгами столетней давности. Учти, никто в городе эту историю так не рассказывает. Пришел дракон сам, говорят. С другой стороны, никто о мастерах зверей не слышал вот уже сто лет. Прошла в них нужда.

— А кто это был? Чем они занимались?

— Люди, способные договориться со зверями, знающие

их язык. Раньше, если жителям какого-нибудь селения до-саждали дикие звери, приходил мастер и заключал с ними договор. Или уводил зверей прочь, так, что они больше не возвращались.

— Убивал?

— Да нет, договаривался. Причем заключал взаимовыгодное соглашение. Ну а потом людей становилось все больше, они забрали силу... и...

— И нужда договариваться отпала, — подсказал Райдо.

— Вот именно.

— Чем не тема баллады? Напиши о том, как люди, утратив возможность договариваться с животными, поплатились за это... что они потеряли? Будущее? Или о том, что родство с животными в них все же осталась. Рано или поздно оно возьмет свое. А если не сумеет, то отомстит. Избежать мести можно, лишь вновь научившись договариваться.

Лютик покачал головой.

— Таковую, слишком умную, балладу по кабакам не попо-ешь. Не дадут за нее денег. Народ любит про любовь, кровь, страсть. Ну, сам понимаешь...

— Ты только ради денег пишешь?

— Нет. Однако сейчас мне надо пополнить кошелек. Опустел он у меня. И значит, нужна баллада для кабака. Уверяю, написать такую очень непросто. Вон, посмотри.

Лютик показал пальцем на кучу скомканных черновиков.

— Как знаешь, — подмастерье пожал плечами.

— А тебя эта история почему интересует? — спросил поэт.

— Есть у меня в ней интерес, — ответил Райдо. — О нем поговорим потом. А пока, в самом деле, не выпить ли нам, не отпраздновать ли победу в переулке?

Соблазн был велик.

Лютик бросил взгляд на чистый лист, вновь посмотрел на кучу измятой бумаги, скрипнул зубами.

— Ну что, надумал? — спросил подмастерье.

— Нет, — сказал поэт. — В любое другое время, но только не сейчас. Баллада...

8.

За горой ревел дракон. Очень убедительно он это делал, громко. Слышалась в реве его сила, ярость, жажда добычи.

— Не пустим, — сказал усатый стражник. — Если ты не собираешься с драконом драться, то не пройдешь. Нечего всякой шушере делать возле его пещеры.

— Чем мы можем ему навредить? — спросил Лютик, к этому моменту осознавший тщетность своих усилий и лишь из чистого упрямства пытавшийся договориться о том, чтобы их пропустили.

— Кто вас знает?

Стражник глянул на него исподлобья, взялся поухватистее алебарду. Его товарищ, худой и очень высокий, добавил:

— Даже если и проскочите через нас, то на другом конце ущелья стоят рыцари дракона. Они шутить не любят. У них

с хитрецами разговор короткий.

— Пойдем, — сказал Райдо, крепко взял поэта за руку и потащил прочь.

Тот попытался было упираться, но подмастерье на ругань и попытки остановить внимания не обращал, а шел себе и шел. Свободу поэт получил, лишь когда они оказались от стражников шагах в ста. Отпустив его, Райдо спросил:

— Ну, успокоился?

— Баллада, — со страстью сказал Лютик. — Не отпускает она меня, но и не пишется. Муки творчества это называется, понимаешь? И чудится мне, что все закончится тогда, когда я увижу живого дракона.

— А раньше ты их не видел?

— Это не считается. Мне нужен местный.

— Учти, если попадешь в руки рыцарей дракона, они не пожалеют. Им плевать на то, что ты известный менестрель. И ты рассказывал, тебя еще мэр предупреждал...

— В гробу я видел мэра и его предупреждения.

— Эко тебя, братец, прихватило. Стало быть, надо искать какой-то выход.

— Выход...

Лютик посмотрел на вход в ущелье, от которого его увел подмастерье. Он был настолько узкий, что, поставив стоймя по его краям два камня и врезав в них петли, удалось подвесить массивные ворота. Проход за ними вел через гору и наверняка заканчивался у пещеры дракона. Не будь ворота

закрты и не охраняйся...

— Надо идти в обход, — подсказал Райдо, — по горам. Тяжело, и курточку модную можно изорвать, но зато — напишешь балладу. Сам понимаешь, искусство требует жертв.

Окинув взглядом вершины, которые им предстояло преодолеть, Лютик помрачнел.

— А тебе зачем это нужно? — поинтересовался он.

— Дело есть у меня. Я уже сказал.

— Какое? Не тяни kota за хвост. Я не настолько глуп, чтобы отправиться в опасный путь с человеком, о намерениях которого не имею ни малейшего понятия.

Поправив висевший за спиной арбалет, подмастерье неохотно объяснил:

— Не удалось мне пристроиться на работу. Нет свободных мест. А заработать надо позарез.

— При чем тут желание увидеть дракона?

— Мне нужен рудник. Раньше город кормился с рубинового рудника, а тот иссяк. Дракон в нем и поселился. Понравилось ему там. Я раскопал в архиве кое—какие сведенья. Получается, рубины действительно кончились, но там было еще кое-что ценное. Если мне удастся взять из рудника пробы и мои догадки окажутся верны, то эти сведения можно неплохо продать. Уж я сумею договориться.

— А что там может быть?

Прежде чем ответить, Райдо вновь огляделся. А потом сообщил:

— Мифрил.

— Дорого стоит, — с видом знатока сказал Лютик.

— Очень дорого. Ради такого можно рискнуть. И лучше отправиться в это предприятие вдвоем. Как, пойдешь?

Лютик еще раз взглянул на горы, прикинул, сколько надо пройти, и ответил:

— Придется. Баллада должна быть написана. Должна.

9.

— Ну вот, — сказал Райдо, — осталось немного. Думаю, после этого спуска мы окажемся на месте. Ну, а там следует двигаться очень осторожно. В случае если рыцари нас заметят, под ногами не мешайся. Я буду действовать.

— Договоришься? – поинтересовался Лютик.

Переход превратил его одежду чуть ли не в лохмотья.

— Попытаюсь, — сказал подмастерье. – Нет человека, полностью довольного тем, что он имеет. Для того что бы он оказался на твоей стороне, надо лишь предложить достойную цену.

— Тогда, зачем ты дрался с бандитами, в переулке? Не смог угадать, что им нужно?

— Угадал сразу, — ухмыльнулся подмастерье. – Жаль было денег их перекупать.

— Ах вот как? – насмешливо фыркнул поэт, – С мешком денег в руке можно договориться с кем угодно. Факт.

— Любая мудрость, — сообщил Райдо, — очень проста.

Кстати, а чего это мы остановились? Спускаемся.

Они двинулись вниз по склону. Тот становился все более пологим. Попадавшие поначалу деревья постепенно превратились в рошу. Они прошли ее, то и дело останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться. Дальше дорогу им перегородил огромный обломок скалы. Правым краем он смыкался с очень крутым склоном, и обойти его можно было лишь слева.

— Здесь надо быть особенно осторожным, — вполголоса сказал Райдо.

— Я слышу эти слова каждый полчаса, — пробормотал Лютик, — почти три дня, в течение которых мы ползаем по горам.

— А сейчас надо быть еще осторожнее, чем обычно. Судя по всему, шахты уже близко.

Стараясь ступать как можно тише, они миновали поворот и остановились, увидев скрывавшееся за ним.

— Что это? — шепотом спросил поэт.

— Рог, сдастся мне, — подмастерье пожал плечами, — Очень большой.

Рог был не менее двадцати шагов в длину, но поражала не только величина. Его чуть желтоватое тело оплетала целая паутина толстых и тонких медных трубок, пружинок, клапанов. К сужающемуся концу оказались приделаны огромные кузнечные меха.

— Ну и штука, — сказал Лютик, подходя к сооружению

ближе.

Следовавший за ним Райдо вздохнул и сообщил:

— Это на самом деле дракон.

— Что?

Лютик подошел к рогу вплотную и осторожно положил руку на его поверхность. Она оказалась великолепно отполирована. Он передвинул ладонь дальше и ощутил холод медного пояска, в который был вделан ряд плапанов. Как на духовой трубе.

— С помощью этой конструкции рыком и пугают, — сказал Райдо, остановившись рядом. — Ну, теперь понимаешь? Вместо дракона есть лишь его рев.

— Кто приводит в действие машину?

— Люди. Кто же еще?

Пролетевшая на расстоянии ладони от головы подмастерья стрела выщербила кусочек камня из ближайшей скалы. Райдо сдернул с плеча арбалет, но, оглянувшись, стрелять передумал. Смысла не было. Противников оказалось десятка два, и находились они очень близко.

— Это рыцари дракона? — спросил Лютик.

— Кто еще? Они самые.

Одеты были рыцари справно, в крепкие, усеянные металлическими пластинами кожаные крутки. На нескольких так вообще поблескивали кольчуги. Дорогая штучка для здешних мест. Вооружены они были тоже неплохо. У каждого имелся не только арбалет, но еще и меч. Лица у всех были

полные, румяные, как у людей, регулярно и хорошо питающихся. А вот глаза – холодные, тусклые. Глаза бандитов и убийц.

Неторопливо приближаясь, рыцари брали непрошенных гостей в полукруг.

— Может, удастся договориться? – спросил поэт.

— Попытаюсь, — пробормотал Райдо.

Шагах в пятнадцать рыцари дракона остановились. Лишь один, явно предводитель, подошел чуть ли не вплотную. Здоровенный детина, с длинными, смахивающими на два шнурка усами, в дорогом панцире. Он постоял, разглядывая пленников, потом спросил:

— Кто такие?

— Поэт Лютик и подмастерье, — сообщил Райдо. – Я – подмастерье. Мне бы шахты поглядеть. До дракона вашего дела нет.

— Зачем подмастерье нужны шахты?

— Когда-то в них добывали рубины, потом они кончились. А я предполагаю, что там есть мифрил. Если моя догадка подтвердится, контролирующие их станут богатеями. Насколько я понимаю, шахты сейчас принадлежат вам.

— Что тут нужно поэту?

— Я хочу написать балладу о..., — ответил Лютик. – гм... о шахтах, о том, как трудно в них добывать руду.

— Понятно, — сказал предводитель.

Он махнул рукой, и один из его людей, худой, с бельмом

на глазу, чуть ли не бегом преодолев разделявшее их расстояние, вырвал из рук у Райдо арбалет, отшвырнул его далеко в сторону. Потом он сдернул с плеча у Лютика лютню и вопросительно посмотрел на вожака. Тот пожал плечами. Прежде чем вернуться к дружкам, худой саданул музыкальный инструмент о ближайший большой камень. Тренькнули струны, обломки грифа усеяли траву.

— Меня зовут Экк, — сообщил предводитель. — Рассчитываю на ответную искренность. Еще раз предлагаю рассказать, кто вы такие. Опять соврете, для начала прикажу всадить каждому по стреле в ногу. Про мифрил можно не упоминать. Никогда он не соседствовал в одной шахте с рубинами. Это – факт. Поэт скорее всего притопал посмотреть дракона, и напрасно, конечно.

— Даже если я на самом деле явился посмотреть на вашего несуществующего дракона, – с обидой сказал Лютик. – Лютню-то зачем разбили?

— Мертвые на лютнях не играют, — объяснил Экк. – Не будь ты певцом, мог и уцелеть. А так, зачем оставлять в живых человека, который разнесет нашу тайну по всем окрестным трактирам? Вредно скажется на доходах.

— Содержание от города, возможность безнаказанно обделывать преступные делишки, имущество драконоборцев, рискнувших пройти к пещере, — перечислил Райдо. – Я ничего не забыл?

— Процент со всех торговых дел в черте города, — до-

бавил предводитель рыцарей. — Заметь, я очень искренен. Услышу ли в ответ правду? Кто ты и что тебе надо?

— Хорошо, — ответил Райдо. — Вот чистая правда. Я — мастер зверей. Я умею заключать соглашения с любыми зверями. Я догадался о том, что дракона здесь нет, едва услышав рев трубы.

— Если ты все знал заранее, то зачем полз через горы, да еще и этого олуха царя небесного с собой тащил?

Лютик вскинул было голову, собираясь ответить на выпад достойно, но не сказал ни слова. Чувствовалось, сейчас не до амбиций.

— Договориться, — ответил Райдо. — У меня есть дракон, и его нужно пристроить. У вас дракона нет, но есть условия для его существования, есть город, в нем нуждающийся. Не пора ли заканчивать маскарад? Слухи неизбежно поползут. Ну а дальше вашей вольготной жизни придет конец. Не успевшие унести ноги самозванные рыцари отправятся на виселицу. Кто похитрее — займется грабежами на трактах и отложит свидание с ней на полгода, год, не больше. Новый король обещал побеспокоиться о том, чтобы купцов никто более не обижал, а он слово держит. Итого, будущее вам светит безрадостное. А вот настоящий дракон все меняет, придает существованию вашего ордена смысл. Он списывает прежние грешки. Если измените манеры и стиль жизни, можете стать самыми настоящими рыцарями.

— А если — нет? — спросил кто-то из шеренги.

— Надеюсь, вы слышали, что драконы разумны? Еще они не жалуют людей с хищническим отношением к окружающему миру и возле себя не терпят. Однако если вы изменитесь, то мой дракон вас признает. А это — забвение грехов, свой дом, стабильная, обеспеченная жизнь, в будущем — семья, дети, покойная старость. Достаточно лишь заключить соглашение, и они у вас будут.

— Все? – спросил Экк.

— А мало? – улыбнулся Райдо.

— Что скажете, ребята? — Предводитель рыцарей дракона повернулся к своему воинству. – Нам сделали щедрое предложение. Нравится?

— Сейчас их застрелим или еще поспрашиваем? – спросил ближе всех стоявший к нему рыцарь. – Вдруг что-нибудь скажут такое же забавное?

Лицо у него было одутловатое, как у сильно пьющего человека.

— Вот видишь, — Экк вновь повернулся к воинам спиной. – Не верят тебе, совсем не верят.

— А ты, сам?

— Верю, как ни странно это звучит. Ибо человек ты умный, а обмануть нас подобной историей мог попытаться лишь идиот. Вот только, даже если ты и вправду мастер зверей, что с того? При желании я мог бы даже рискнуть, разрешить тебе привести сюда дракона, выкупить им жизнь. Убив такую зверюгу, можно получить больше, чем с десятка при-

ехавших с ним сразиться. Да только воинство у меня неподходящее. Расстрелять из арбалетов рыцаря могут запросто, а против такой зверюги не выдюжат.

— Кишка тонка? – вклинился Лютик.

Экк поморщился.

— Не советую так говорить перед лицом вооруженных людей. Впрочем, какая разница? Твою судьбу, господин поэт, уже не изменишь.

— За меня отомстят, — напомнил Лютик.

— Наслышан. Если ты действительно Лютик, то за тебя может вступиться белоголовый ведьмак. Пусть приходит. Вот тут мои люди себя покажут. В уничтожении всяких там героев у них опыт большой. Кстати, может, это и правильно? Слишком много их развелось. Палку кинешь и сразу попадешь в героя или безумца, забившего себе в голову, будто на свете есть какие-то принципы, болтающих о том, что надо жить ради будущего. И ведь не только мелют языком, но еще и размахивают разными железяками. Спору нет, иногда очень даже умело, но десяток арбалетных стрел способен успокоить любого. Навсегда успокоить.

— Я так понимаю, это означает отказ от предложенной сделки? – поинтересовался Райдо.

— Торг продолжается, – пожал плечами Экк, – на наших условиях. И дракон никак не подходит. Вот если приведешь пяток единорогов — ударим по рукам. Можешь ты найти в ближайших лесах пяток единорогов? Убивать их легче, а

стоят они очень хорошо. За рога знающие люди платят большие деньги. За небольшую надбавку отпустим и певца. Язык ему придется урезать, но зато жить будет. Подумай, я не обману. Да и есть ли у тебя выбор?

— Есть, конечно. В последний раз предлагаю одуматься. Ваше будущее...

— Да начхать нам на будущее! – рявкнул предводитель фальшивых рыцарей. – Наш путь для тех, у кого его нет. Любой из стоящих у меня за спиной знал, на что идет. И хватит чесать языком. Если ты не согласен выкупить ваши жизни, то на этом я намерен переговоры закончить. Ну?

Райдо широко развел руки.

— Вы сами этого хотели, — сказал он.

— Глуп ты братец, — Эрк повернулся к своим стрелкам. — Ну что, ребята, потренируемся? Первому, всадившему одному из них стрелу в правый глаз, достанется полновесная золотая монета. Стрелять по очереди, по моей команде.

Мастер зверей резко хлопнул в ладоши.

— Это еще что за фокусы?

Ничего более сказать предводитель рыцарей не успел. Прямо над головой его возникло нечто вроде туманного пятна размером с дом. Из него мгновенно высунулась зубастая, увенчанная гребнем голова и изрыгнула столб огня.

10.

— Если я тебя и обманул, — сказал Райдо, — то совсем

немного. Ну не подмастерье я, а мастер. Меняет это суть дела?

Они сидели возле входа в шахту. Он был расположен на достаточном удалении от места встречи с рыцарями дракона, и запах паленого мяса сюда не долетал. Это радовало.

Отхлебнув из здоровенной, оплетенной соломой бутылки, мастер зверей передал ее товарищу. Устроившись поудобнее, тот сделал большой глоток, потом вернул сосуд.

В глубине шахты возился дракон. Явственно слышался шорох чешуи и скрежет когтей о камень.

— Дело не в терминах, — сказал Лютик, — а в сути. Дракон, что он там делает?

— Зарывает кости предшественника. Хоронит. Судя по всему, тот умер от яда. Хотел бы я знать, кто его убил, но прошло слишком много времени.

— Профи поработал?

— Возможно, — Рейдо сделал следующий глоток. — А неплохое вино у разбойничков. Даже зависть берет. Шастая по лесам, такое пьешь не часто.

— Кто тебя заставляет?

— Я создан для этого. А идти против собственной природы не стоит. Каждый должен делать то, ради чего рожден. Не это ли ты мне сказал?

— Было, — признал поэт. — И все—таки откуда взялся дракон? Ты его из кармана вынул?

— Нет, конечно. Неизвестно где есть мир, в котором жи-

вут в свое удовольствие сказочные звери. Драконы, единороги, грифы и многие другие. Думаю, живется им там неплохо, но чего-то не хватает. Иначе, зачем бы они стремились сюда? Я умею отправлять их туда, могу вернуть в наш мир. При желании.

— Где он находится?

Райдо ухмыльнулся.

— Я же сказал – неизвестно где.

— Не знаешь?

— У меня есть догадки, но нет доказательств. Спроси лучше о чем-нибудь другом.

— Да запросто. К примеру, что будет дальше? Самозванных рыцарей ты уничтожил. Поселишь здесь дракона и отправишься дальше, искать место для следующей волшебной зверушки? Вскоре придет еще один отряд бандитов. Они отравят твоего зверя и опять объявят себя «рыцарями дракона». Все начнется по новой. Стражники и не вякнут, поскольку явно были в доле и не прочь ее получить вновь.

— Не все так плохо, — ответил мастер зверей. — Я осмотрелся в городе. Он еще не прогнил, да и мэр, хоть и мирится с присутствием фальшивых рыцарей, большого удовольствия от этого не испытывает. Выхода у него нет. А я — предложу. И есть еще певец, способный сочинить песенку о несуществующем драконе, если мы не договоримся. Песенка эта мгновенно разлетится по свету. Как, достаточно?

— Поэтому ты меня за собой таскал? — спросил Лютик.

Как раз в этот момент дракон высунул голову из пещеры. Лютик подумал, что он красив просто необыкновенно. И тотчас ему в голову пришел образ, способный передать цвет чешуи на морде дракона. Там виднелось пятно просто замечательного оттенка.

— Скажем так, — ответил Райдо. — Это было удачное стечение обстоятельств, не более. И так ли я тебя обманул? Ты увидел дракона. Сейчас на него смотришь.

— Возможно, — пробормотал Лютик. — Но суть...

Он не мог оторвать от головы дракона взгляда, просто пожирал ее глазами.

Немного погодя ящер вновь спрятался в пещеру, продолжил возню, кажется, даже стал порывивать.

— Так что там с сутью? — спросил мастер зверей. — Чем ты недоволен?

— Многим, — ответил поэт. — Но сначала объясни мне, каким ты видишь далекое будущее? Понимаешь, люди придерживаются заключенных договоров лишь до тех пор, пока они им выгодны. А вскоре они станут гораздо сильнее драконов. Будет изобретено оружие, способное их убивать легко. Чем после этого займется мастер зверей?

Райдо засмеялся.

— Будет день, будет пища.

— А если серьезно?

— Останутся люди. После того как с животными в этом мире покончат, останутся лишь они. Учти, единороги и дра-

коны, другие волшебные животные есть и среди людей. После того как мир перестанет нуждаться в настоящих волшебных животных, настанет черед странных людей. Тех, кто, к примеру, сочиняет никому не нужные песни, пишет странные картины, придумывает невероятные истории. Все эти люди тоже не очень приспособлены к обычному миру и нуждаются в опеке. В ком-то, кто бы за них заключал договора, приглядывал за ними. Понимаешь, о чем я?

— И я одно из этих странных животных?

— Вполне возможно, вполне возможно.

— А ты меня подставил, — напомнил поэт. — Страху я при этом натерпелся...

— Тут не поспоришь, — признал мастер. — В полный рост подставил. Правда, до самого страшного я бы не допустил. Почти наверняка. И потом, я готов компенсировать ущерб. Как только заключу договор с мэром, мои возможности в этом отношении станут просто огромны. Деньги — понятно. Увесистый кошель, в уплату за балладу. Ты ее напишешь?

— Дракона я увидел. Теперь напишу.

— Что хочешь помимо денег?

— Лютню, — сказал Лютик.

— Как без нее? Получишь. Что еще?

— Мне отдастся самая красивая девушка в городе.

— Не могу обещать. Да и ты не захочешь. Любовь по обязательству — не любовь. И если уж неможется, то не лучше ли пожелать обычную шлюху?

— Самую красивую в городе? Хорошо.

— Еще что-нибудь?

— Есть... — глаза Лютика блеснули, как у кошки, увидевшей мышь. — Есть один лакей, обозвавший меня графоманом. Все остальное — привычное дело, а вот это простить нельзя. И значит...

...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ

Капитан Квотерблад неторопливо шел по краю зоны.

Под ногами у него шуршал кошачий мох. Здесь, на асфальте, он тоже рос, но почему-то быстро высыхал, становился ломким, а потом крошился в пыль. Как только пыль уносил ветер, асфальт тотчас же зарастал кошачьим мхом снова.

Капитан остановился и прислушался. Где-то в глубине зоны зародился звук, похожий на скрип старой, с насквозь проржавевшими петлями двери. И был он таким тоскливым, таким безнадежным, что Квотерблад вздрогнул и остановился, замер, словно превратившись в деревянного истукана, пережидая, когда же этот звук кончится. Он и в самом деле кончился, и на зону опять опустилась тишина. Капитан вытащил из кармана сигарету, покатал ее в пальцах и, вдруг вспомнив о том, зачем он здесь, выкинул.

Вот так-то. Нельзя.

Тяжело вздохнув, он прошел еще с десяток шагов, остановился и снова прислушался. В зоне было тихо. Квотербладу даже стало казаться, что тот скрип, который он только что слышал, на самом деле был всего лишь плодом его воображения, слуховой галлюцинацией.

— Врешь! — пробормотал капитан. — Врешь, меня не обманешь. Не выйдет.

Четко, как на плацу, он повернулся на каблуках и пошел к машине, которую оставил за самым последним, стоявшим почти вплотную к границе зоны, домом.

В машине горел свет. Еще в ней сидел сержант и, сжимая в руках автомат, глядел на приборный щиток. Глаза у него были отрешенные, словно он думал о чем-то постороннем, далеком.

Когда капитан открыл дверцу, сержант испуганно пискнул и попытался передернуть затвор автомата. Поскольку автомат стоял на предохранителе, затвор не передергивался. Окончательно ошалев, сержант рванул предохранитель. В этот момент капитан и врезал кулаком по его пухлому, еще не знавшему бритвы лицу.

— Ты что, сдурел? — прошипел Квотерблад.

— О господи, — быстро забормотал сержант. — О господи. Я думал... А это вы... О господи... И звук тут... я такого еще не слышал.

— Много чего ты не слышал, — проворчал капитан, забираясь в машину. — Ты почему свет включил? Совсем от страха рехнулся?

— Так ведь звук. Так жутко мне стало. Я подумал, что с вами...

— Не дрейфь, — уже примирительным тоном сказал капитан. — От звуков здесь еще никто не умирал. Вот если

свет, когда не нужно, в кабине включали, от этого — сколько угодно. Я же тебе говорил, что так ты виден всем и не видишь никого. А иначе как бы я к тебе подкрался?

Он выключил свет и прикурил сигарету.

Рядом шебуршил и вроде бы даже едва слышно всхлипывал сержант.

А Квотерблад, откинув голову на спинку сиденья, думал о том, что ошибиться он не мог. Охотничье чутье не подводило его еще ни разу. Сталкер в зоне, и возвращаться будет именно здесь, в этом месте. Только попозже, ближе к рассвету. А пока можно покурить, пока еще рано.

— Я рапорт на вас напишу, когда вернемся... — наконец пробормотал сержант.

— Что? — переспросил капитан.

— Рапорт, говорю, подам, — уже громче сказал тот.

— А-а-а, ну это сколько угодно... Только не забудь, это ты сделаешь, когда мы вернемся. И укажи, что мои действия были вызваны твоей же халатностью, которая неминуемо должна была привести к срыву всей операции. И также, учти, на ближайшие полгода ты у меня будешь бледным, очень бледным. Понял? Кстати, сколько тебе осталось до возвращения домой? Год? Мило. Это здорово. Это просто прекрасно... просто прекрасно...

Капитан вылез из машины, кинул на землю окурочек и тщательно его затоптал.

На секунду ему показалось, что он очутился на другой

планете, в чужом, враждебном мире. А разве не так? Да и чем иным является эта зона, как не украденным неизвестно кем и неизвестно с какими целями кусочком территории Земли? Не надо снаряжать звездные экспедиции, строить могучие фотонные корабли. Чужой мир здесь, под боком, в двух шагах. Бери, исследуй, делай выводы. Раздолье. Ученым. А нам как? Каково этому парнишке, который сидит рядом с ним и сжимает в потных ладонях автомат, готовый стрелять во все, что движется, во все, что покажется хоть мало-мальски опасным? Каково тому же сталкеру, который лезет в эту зону как проклятый, чтобы вытащить из нее какую-нибудь вещь, назначения которой он не понимает, которая либо облагодетельствует, либо уничтожит этот мир? Каково ему, капитану Квотербладу, вместо того чтобы дома смотреть телевизор или завалиться к Михаэле, торчать здесь, в засаде только для того, чтобы подстрелить этого сталкера, который в силу своей ограниченности даже и не понимает, что делает, который и думать-то не может ни о чем, кроме денег. И чем этот сталкер, как человек, отличается от него, Квотерблада? Да почти ничем. Вот разве что только капитан имеет право стрелять в него из автомата. И если убьет, то никакого наказания за это не последует.

Потому что он всего лишь выполнит свой долг.

Капитан сунулся в машину, вытащил из зажима над ветровым стеклом короткий, со складывающимся прикладом десантный автомат и закинул его на плечо.

— Сиди здесь, — коротко бросил он сержанту, осторожно прикрыл дверцу и бесшумно двинулся от машины прочь.

Устроившись за упавшим набок фанерным, насквозь прогнившим ларьком, он осторожно высунул из-за него голову и стал ждать.

Почему-то вспомнился тот толстый, какой-то весь ослабленный, похожий на большую резиновую игрушку джентльмен, побывавший у него дома в прошлый понедельник. Приехал он не один, привез его Клаузен, которого пару лет назад отправили в отставку. Какая-то там была история, то ли с деньгами, то ли с молоденькой, несовершеннолетней дурочкой. Короче, Клаузена чудом не посадили. Потом болтали, что в деле был замешан кто-то из высшего командования и Клаузен вышел сухим из воды только благодаря этому.

Приехали они к Квотербладу уже вечером. Клаузен был уже порядочно навеселе, а вот джентльмен, тот был трезв как стеклышко. Квотерблад хотел было их выгнать сразу, а потом передумал, решил узнать, что это им от него надо. Уж больно важен был этот джентльмен, да и запонки у него стоили никак не меньше, чем жалованье Квотерблада лет за двадцать.

Он провел их в гостиную, сунул им по стаканчику и стал ждать, чем все это кончится.

Они не спешили. Джентльмен помалкивал, все оглядывался, и на лице у него временами явственно читалось презрение к убогой, облезлой гостиной, старому продавленно-

му дивану, на который их усадили, и мерзкому, по его понятиям, виски, которое ему налили. Вот только уходить он не собирался, все чего-то ждал. А Клаузен заливался прямо соловьем. Он болтал о чем угодно: о бывших сослуживцах, знакомых, о погоде, о скачках в Сиднее... Он был какой-то неестественный, даже учитывая опьянение, и то и дело за чем-то самым дурацким образом подмигивал.

Наконец терпение у Квотерблада лопнуло, и он довольно сухо осведомился, чем, собственно, вызван такой неожиданный визит.

Вот тут и началось.

Оказалось, что Клаузен не так уж и пьян. Он бросил на джентльмена трусливый взгляд и, зачем-то понизив голос, словно их могли подслушать, заговорил:

— Дело есть. Вот это мистер...

Джентльмен обеспокоенно заерзал по дивану, и Клаузен осекся. По лицу его пробежала судорога, глаза стали словно у побитой собаки. Судорожно сглотнув, он продолжил:

— Итак, этот джентльмен — а я тебе скажу, что он один из самых известных в мире охотников на крупную дичь, — прослышал, что ты тоже являешься в некотором роде охотником. Он бы хотел с тобой познакомиться.

— Охотником? — удивился Квотерблад. — Как это?

— Ну, все же знают о твоих одиночных охотах на сталкер-ров.

— Ах вот как?

— Да, именно так, — неожиданно твердым и спокойным голосом сказал Клаузен и снова зачем-то подмигнул.

— А дальше что? — все еще не понимая, куда он клонит, спросил капитан.

— Ну разве не понятно? Он охотник, и ты охотник. Причем тебе повезло больше, поскольку ты охотишься на необычную, повторяю, очень необычную дичь. Мы знаем, что по инструкции ты обязан брать с собой еще одного человека. Обычно это бывает какой-нибудь сопляк — сержант, а то и рядовой. Его ты оставляешь в машине, а сам охотишься в одиночку. Но ты ведь можешь взять с собой на эту охоту и кого-нибудь другого. Согласен, такое... сафари... сопряжено с большими неудобствами, но зато на нем можно и неплохо заработать. Кстати сказать, за это будет заплачена огромная, я бы даже сказал, сказочная сумма. Подумай, тебе скоро на пенсию. А велика ли она будет?

Тут он их и выпроводил. Клаузен еще пытался ему что-то доказывать, снова сулил деньги, заклинал старой дружбой, говорил, что погряз в долгах и для него организация этой охоты вопрос жизни и смерти. Под конец в разговор включился даже и сам джентльмен. Голос у него, как ни странно, оказался тонким, с какими-то повизгивающими интонациями. Он сказал, что польщен знакомством с таким великим охотником за людьми, как капитан, что жаждет перенять у него хотя бы крупицу опыта, что согласен заплатить за этот опыт просто гигантскую сумму.

И вот тут капитан осатанел. Все, что говорил или делал в последующие пять минут, он запомнил плохо. Почему-то в памяти остались лишь плачущий навзрыд Клаузен и все такой же невозмутимый джентльмен, который, надевая свое роскошное пальто, никак не мог попасть в рукава, да то, как он закрывает за ними дверь и потом плетется обратно в гостиную.

Тем вечером он напился, сильно напился, пошел в “Боржч”, но по дороге все же передумал, направился к Михаэле и устроил у нее жуткий, с битьем посуды скандал.

Капитан поежился.

Там, впереди, в зоне, все словно бы замерло, не было ни малейшего движения. И капитану показалось, что он видит мастерски написанный холст, что, попытавшись сделать шаг вперед, упрется в этот холст носом и тогда наваждение спадет, мир изменится, станет иным и он сам уже будет не капитаном Квотербладом, а кем-то другим, ничуть на него не похожим.

А потом на этом холсте шевельнулась какая-то точка, какой-то бугорок, и капитан забыл обо всем. Не чем иным, кроме как возвращавшимся с хабаром сталкером, эта точка быть не могла.

Квотерблад затаился. Теперь ему оставалось только ждать и ждать, чтобы в нужный момент... ох уж этот нужный момент!

И тут он услышал шорох, который доносился с противо-

положной стороны, и, оглянувшись, проклял все на свете. Это был сержант. Совершенно не скрываясь, он ломился к его будке, так, словно прогуливался по бульвару какого-нибудь курортного городка. Остановить его не было никакой возможности, поскольку крик или свист могли бы испортить все дело окончательно.

Капитан скрипнул зубами и стал ждать, пока этот сосунок не подойдет, уповая лишь на то, что тот сделает это быстрее, чем сталкер его заметит.

Наконец, сержант оказался рядом с ним, за будкой, и тогда, дав себе клятву взыскать с него за все, капитан прошептал:

— Сиди и не рыпайся. Не дай бог, пошевелишь хоть мизинцем. Какого черта приперся?

— Да это, я подумал, вдруг вам помощь нужна...

— Помощь? Я тебе покажу помощь. Ишь, какой помощник выискался, — прошипел капитан и вдруг с удивлением понял, что уже ничуть не сердится на сержанта, может быть оттого, что представил, как тому было страшно сидеть в машине, одному, окруженному со всех сторон темнотой, неизвестностью.

Ладно, бог с ним, с этим сержантом.

Он выглянул из-за будки и буквально метрах в двадцати от себя увидел темную фигуру, которая шла наискосок, направляясь к соседним домам. И тут уж медлить было нельзя.

Нажимая на курок, он почему-то снова вспомнил того ре-

зинового джентльмена. “Охотник!” Да, именно охотник. Ну и что?

Очередь распорола ночную тишину. Сверкающий пунтир трассеров прошел темную фигуру. А та, даже и не пошатнувшись, продолжала двигаться вперед. Капитан выпустил вторую очередь, которая тоже не принесла продвигавшемуся к домам человеку ни малейшего вреда.

Начиная уже догадываться, кто — вернее, что — перед ним, Квотерблад бросился к этой фигуре и чуть не попал под очередь, которую выпустил сержант.

Пули просвистели у самого его лица.

— Застрелю! — вне себя от ярости крикнул он торчавшей над будкой голове в каске. Та испуганно ойкнула и исчезла, спряталась. А у капитана уже не было времени даже дать оплеуху нерадивому сержанту. Он бросился к все еще двигавшейся фигуре, осветил ее фонариком и выругался.

Ну конечно, это был мертвец.

А стало быть, и конец охоты. На сегодня. Капитан хорошо знал, что сталкера здесь ждать уже бесполезно. Конечно, вполне возможно, он где-то рядом, может быть, лежит метрах в ста, за кочкой, но не встанет, будет ждать, пока они уедут, пролежит еще хоть сутки. Они, сволочи, терпеливые!

Надо было ехать домой. Капитан подумал, что сегодня обязательно завернет на огонек к Михаэле. И в этот раз скандалить он не будет. Нет, сегодня все у них будет как надо, тихо и мирно. А сержанту он еще покажет кузькину мать.

Квотерблад пошел обратно к будке и, когда до нее осталась всего лишь пара шагов, вдруг понял, что где-то в глубине души рад неудачной охоте. Это его поразило, поскольку никогда до этого он ничего подобного не испытывал. Капитан даже остановился, попытался понять, что же все-таки произошло, и, глядя на снова высунувшуюся из-за будки голову сержанта, вдруг понял, что причиной этому был тот джентльмен-охотник. Да, именно он. И его предложение. Надо же, сафари на людей. Охота... Развлечение...

Сержант вдруг замахал руками и крикнул:

— Вот он! Смотрите!

Капитан машинально оглянулся и увидел, увидел его — сталкера. Тот бежал тяжело, не оглядываясь, тем же маршрутом, что и мертвец. До ближайшего дома, в котором можно было спрятаться, ему оставалось не больше десяти метров. Разворачиваясь, Квотерблад поразился красотой и безрассудством его замысла. Если бы сержант не выглянул, сталкер ушел бы, проскользнул под самым носом.

Время словно растянулось, замедлилось. Все еще разворачиваясь и срывая с плеча автомат, капитан увидел ясно, как на фотографии, лицо того джентльмена — охотника. У него в голове успела даже мелькнуть строчка непонятно откуда ему известного стихотворения: “И охотник вернулся с холмов...” А потом он полоснул из автомата, полоснул из неудобного положения, не целясь, и почти уже добежавшая до угла фигура сломалась и, мучительно застонав, рухнула

на землю.

— Здорово вы его! — радостно крикнул сержант.

Но капитан его не слышал. Он шел к сталкеру, неторопливо, настороженно, готовый в любую секунду стрелять. Бывало, некоторые, особенно новички, брали с собой в зону оружие. Оружия у сталкера не было. И он был еще жив. Капитан это понял, остановившись от него в полуметре, когда сталкер застонал и медленно, не замечая капитана, словно так и не осознав, что же с ним произошло, пополз к дому, не отпуская, таща за собой по кошачьей траве мешок с хабаром.

Сталкера надо было добить. И никто бы капитана за это не осудил, никто бы не сказал даже слова, поскольку здесь, на границе зоны, сталкеры были вне закона настолько, насколько это вообще возможно. Кроме того, раньше в подобных случаях он добивал их всегда. Таково было его правило.

Но только не сейчас.

“Да, я не сделаю этого, — сказал себе капитан. — Не сделаю этого, потому что я не охотник, потому что я просто выполняю свой долг, а он не дичь, он человек”.

А руки его уже поднимали автомат, бесконечно медленно, казалось, целое столетие, но все же поднимали. Сталкер оглянулся, и капитан увидел его перемазанное грязью, искаженное гримасой животного, смертного ужаса лицо.

“Нет, ты этого не сделаешь!” — снова сказал себе капитан и ужаснулся, вдруг осознав, что руки вышли у него из повиновения, делают нечто свое, нужное только им, рукам.

— Нет! — все еще пытаюсь восстановить над ними контроль, отчаянно крикнул капитан.

Прогрохотала очередь, и сталкер ткнулся лицом в колючую траву...

Сержант вызвал по рации спецгруппу. На запыленном джипе приехали три офицера, те самые, которые и должны были заниматься подобными делами. Они составили протокол, осмотрели труп и забрали мешок с хабаром, чтобы передать его в институт. Они опросили сержанта и попытались задавать капитану какие-то вопросы, но тот их не слушал. Он стоял метрах в пяти от того места, где пристрелил сталкера, и смотрел на зону.

На рассвете спецгруппа уехала, а капитан все стоял, безучастно разглядывая дома, провода которых обросли каким-то мочалом, грузовики, вагонетки вдалеке. Автомат из рук он так и не выпустил. Сержант пару раз попробовал было его увести, но капитан лишь молча его отталкивал и смотрел, смотрел.

А потом что-то в нем отпустило, он бросил автомат на траву, сел и закурил.

Свежий утренний ветерок относил в сторону дым его сигареты. А капитан думал о том, что в сталкера стрелял не он, а сама зона. Это могла быть только она, больше никому. Все правильно, все логично. Она защищала себя, она была пустышками и комариными плешами, она была всеми теми вещами, которые выносили из нее ученые и сталкеры. Она

была. И она боролась, она хотела остаться собой, она не хотела исчезнуть, рассеяться по огромному земному шару. А он, капитан, был возле нее слишком долго. И зона его переделала, как переделывала тех же сталкеров, как переделывала их детей. Только его, капитана Квотерблада, она переделала по-особенному, превратив в своего слугу, своего охранника. И это было окончательно, спасения от этого не было.

Капитан Квотерблад встал, закинул автомат на плечо и пошел к машине. Сержант сел за руль, капитан устроился рядом, и они поехали прочь, прочь от зоны. Надо было составить рапорт.

— А здорово вы его! — крикнул сержант.

Вместо ответа капитан что-то пробормотал, и, не услышав, сержант переспросил:

— Что?

— Ничего, — сказал Квотерблад.

Разговаривать с сержантом ему не хотелось, поскольку ему только что пришло в голову третье объяснение.

А что, если все гораздо проще и зона тут совсем ни при чем? Что, если он и в самом деле превратился в охотника, которому просто нравится охотиться на редкую дичь — человека? Что, если он стал таким же, как этот резиновый джентльмен? И нечего пудрить мозги долгом, а также влиянием зоны.

Эта мысль не вызвала у него ни страха, ни ужаса, она была гораздо проще и желаннее, чем все, о чем он думал по-

следний час. И что-то в ней было еще, словно бы обещание некоего забытья, некоего наслаждения.

— Да, все именно так, все именно так, — пробормотал капитан. — И нечего забивать мозги, нечего...

— Что вы сказали? — снова переспросил сержант. — Вы что-то сказали?

— Да так, — пробормотал капитан Квотерблад, а потом не удержался и добавил: — “И охотник вернулся с холмов...” Охотник?..

Раздел: Я ПАСУ ДЕДУШЕК

От автора: Я написал около тридцати романов и несколько повестей, но самым моим любимым объёмом в писательстве является рассказ. Они у меня получаются разные, поскольку я люблю экспериментировать. А еще, как и положено любому человеку, с течением времени я изменяюсь, открываю для себя какие-то новые истины, иные жизненные горизонты, что на моих текстах неизбежно отражается. Большинство этих рассказов написаны за день, два, неделю от силы, хотя есть и такие, над которыми я работал несколько лет, постоянно откладывая в сторону незаконченный текст и возвращаясь к нему через месяц, два, желая довести до определенного состояния. Некоторые из этих рассказов написаны потому, что мне в голову пришла идея, показавшаяся интересной, а другие для тематического сборника, где она задана уже сразу. Это не имеет большого значения. Главное: я честно пытался в них вложить какие-то мысли, конечно, не забывая о том, что читателя следует развлекать. При прочтении любого текста главный всегда читатель. И писатель должен, обязан сделать так, чтобы ему было интересно.

Да, еще: похоже, с годами я становлюсь все лаконичнее. Возможно, это правильная эволюция.

КАРУСЕЛЬ ПУШКИНА

Тихо гудели гипердвигатели. Стюардессы в оранжевых, похожих на ведерки для льда, шляпках разносили прохладительные напитки. Сидевший напротив меня белый крокодил потянулся к висевшей на боку плетеной джимакской сумке. Вытащив из нее гаванскую сигару, он с хрустом откусил от нее чуть ли не половину и стал задумчиво жевать.

— Гений — это всегда познание, — наконец сказал он. — Гений не может топтаться на месте, он должен все время узнавать что-то новое, впитывать в себя, перерабатывать и находить такие закономерности, какие никто другой заметить не может. Этим гений и отличается от других людей. Если же поток новой информации иссякает, он начинает экспериментировать с тем, что имеется, и тогда — жди беды!

— Наверное, — сказал я. — Наверное, так и есть.

— Да, конечно. — Крокодил откусил еще кусок сигары. — Уверяю, я знаю это совершенно точно. Как-то раз мне уже случилось столкнуться с самым настоящим гением, и надо сказать...

Он бросил взгляд на книгу, которую я держал в руке.

— Если не ошибаюсь, именно это и называется книгой?

— Ну конечно, — ответил я и слегка улыбнулся.

— Да, это именно книга, — задумчиво пробормотал Крокодил. — А еще их, эти книги, как я помню, пишут?

— Вы правы.

— Да, — вздохнул он. — Именно так, их пишут... Знаете, эта книга напомнила мне одну забавную историю, не так давно случившуюся на некой планете, с очень заурядным названием. Хотите послушать?

— Почему бы и нет? — сказал я.

И тогда, откашлявшись, крокодил начал:

— Есть в галактике планета под названием Земля. Все на ней примерно так же, как и на многих других планетах среднего класса, но суть не в этом. Итак, жил на этой планете некий мыслящий человек, как все они себя там называют, очень любивший писать книги. Писал он их просто великолепно, несколькими способами, один из которых называется стихосложение. Если вы читаете книги, то наверняка знаете, что этот способ собой представляет, поэтому рассказывать о нем отдельно — смысла не имеет.

Итак, этот человек очень любил писать книги и делал это с таким мастерством, что вошел в историю как непревзойденный, гениальный книгописатель. Причем даже сотни лет спустя на Земле не нашлось человека, способного писать на таком же высоком уровне. Звали его Пушкин. Что именно это имя означает, сказать не могу. Скорее всего, как и у большинства жителей Земли, оно не означает ничего, просто имя — и все.

В общем, Пушкин был гением. При жизни его за гения больно-то и не признавали. Так, считали, хороший книгона-

писатель — и все. Погиб он, можно сказать, во цвете лет, участвуя в старинном религиозном ритуале, который называется дуэлью. Поначалу это событие прошло почти незамеченным, но потом многие из тех, кто читал книги, опомнились. И овладела ими великая печаль, однако гения книгонаписания вернуть было уже невозможно.

За следующие пару столетий популярность Пушкина выросла неимоверно. Я так и не понял, что послужило этому причиной. Может быть, она родилась из сожаления книгочитателей по поводу недополученных книг, но скорее всего они просто доросли до его произведений. Как бы то ни было, но Пушкина наконец-то официально признали гением.

И сейчас же многие люди бросились изучать книги Пушкина, писать свои собственные книги о нем, его времени, его друзьях, его книгах, выискивая все новые и новые факты, все новые и новые мелочи, строя предположения и догадки, благо прошло два-три столетия и жизнь этого славного книгописателя успела подернуться дымкой забвения, что, как правило, служит хорошей основой для домыслов и догадок. Популярность Пушкина стала настолько велика, что не было семьи в стране, где он когда-то жил, которая не имела хотя бы одной его книги, а то и полного их набора.

Возник даже институт, который занимался его творчеством. Короче, популярность Пушкина переросла всякие границы, и к тому времени, когда изобрели машину времени, она была невероятно огромна.

Несколько лет машину времени доделывали, отлаживали, запускали в производство в строгом секрете, под контролем некоего государственного учреждения. Потом, постепенно, ее существование перестало быть тайной. К этому времени государство уже обладало несколькими десятками вполне готовых к употреблению аппаратов. Общественность воспринимала все это довольно оживленно, но без большого волнения. Подумаешь — машина времени! Ее испытывали, совершали пробные путешествия в прошлое и делали это очень осторожно, стараясь ничего в нем не изменить.

Но вот один из местных ученых открыл и обосновал эффект, который назвал “эффектом буфера”. Он доказал, что в прошлом в принципе можно делать все, что угодно, поскольку любое возмущение полотна времени, если оно проведено достаточно далеко от настоящего, в конце концов затухает и никакого воздействия на него не оказывает.

И вот тут-то началось. Пушкинисты словно взбесились. Они надели на правительство, они подняли грандиозный шум в прессе и все-таки добились своего. В лучших традициях времени, вошедшего в историю как “беспутное”, был проведен всенародный референдум. Большинство населения страны дало свое согласие, и институту изучения Пушкина передали несколько портативных машин времени.

После этого в прошлое спешно была отправлена группа подразделения, специализирующегося на борьбе с терроризмом. Группа сработала как надо, и ритуальное действо под

названием дуэль, на котором Пушкин должен был быть убит, не состоялось.

Вслед за этим в прошлое послали другую группу с заданием ограждать гениального книгописателя от всяческих опасностей, которыми, надо сказать, то время, в которое он жил, довольно изобиловало. Работу свою они делали неплохо, и Пушкин прожил еще долгие и долгие годы от момента своей, теперь уже несуществующей дуэли, натворил чертову уйму глупостей, умер глубоким стариком и успел написать еще много-много книг, которые ввели в состояние экстаза всех пушкинистов.

К тому времени институт изучения наследия Пушкина переименовали в институт по изучению самого Пушкина. Его сотрудники должны были заниматься опекой гения во времени, а также подбирать буквально каждый клочок бумаги, на котором он написал хотя бы слово.

Как бы то ни было, но не мог же Пушкин жить вечно? Да, пушкинисты приложили чудовищные усилия, чтобы продлить его жизнь как можно дольше, но все-таки наступил тот день, когда, несмотря ни на что, он все же умер.

Остался институт, который занимался его изучением, имеющий в своем активе множество операций во времени, проведенных с целью спасения знаменитого книгописателя от опасностей, угрожающих его здоровью, а то и жизни. И вот вдруг из-за отсутствия объекта исследования ему стало совершенно нечем заниматься. Конечно, можно было за-

няться изучением накопленных ранее, поистине бесценных материалов, но это вело за собой уменьшение субсидий. Короче, необходима была свежая идея, под которую можно было бы качать и качать у правительства деньги.

Как это обычно и бывает, нашелся молодой и талантливый работник института, которому пришла в голову поистине сногшибательная идея. Естественно, он осуществил ее на свой страх и риск, даже не подумав поставить в известность руководство.

Что же он сделал? Он махнул в прошлое и опубликовал где-то за пару лет до рождения Пушкина одну из его книг под чужой фамилией, так, словно тот ее и не писал. Что и говорить, эксперимент был дьявольски смелый. Результат превзошел все ожидания.

Конечно же, Пушкин прочитал эту, украденную у него книгу, и за то время, которое он потратил бы на ее создание, написал совершенно новую. Таким образом на руках у молодого ученого оказалось две книги, написанные гением за одно и то же время.

Каково, а?!

Победителей, как известно, не судят. Да и широкая общественность пушкиноведов появление новой книги знаменитого книгописателя встретила с диким восторгом. Молодого исследователя восславили, и через несколько лет, когда старый директор института ушел на отдых, тот занял его кресло.

Излишне говорить, что эксперимент с напечатанием в прошлом книги Пушкина повторили, и еще, и еще раз. Когда же главой института стал бывший молодой специалист, нашлись люди, которые вложили в это учреждение очень большие деньги, что позволило отправлять в прошлое и печатать там книги Пушкина десятками. В результате стали появляться все новые и новые книги, которые опять можно было отправлять в прошлое.

Конечно же, большинство ученых мира, осуждая на словах любые эксперименты с гениальным книгописателем, на деле напряженно следили за всем происходящим в стенах института изучения Пушкина, стараясь не упустить любые, на первый взгляд даже незначительные мелочи.

Они хорошо понимали, что подобная ситуация вряд ли когда-нибудь повторится. Шутка ли, поставить эксперимент на гении?

Кстати, именно тогда и появился термин, которым стали называть этот, ставший теперь уже глобальным, эксперимент над великим землянином. Его стали называть “каруселью Пушкина”. Наверное, этот термин лучше всего отражал то, что с ним происходило. Пушкин действительно словно бы вращался на карусели, каждый оборот которой являлся его очередной жизнью.

И конечно же, каждый новый оборот этой карусели немного отличался от предыдущего. А иногда и много. Что только на ней не происходило с Пушкиным, кем он только

не становился, что только не делал! Случалось, он все-таки даже участвовал в дуэли на Черной речке, но каждый раз благодаря усилиям специальной группы оставался в живых. Правда, не обошлось и без накладок. Один раз он убил вместо Дантеса какого-то заезжего пехотного капитана, другой — прострелил секунданту ухо, а как-то раз у него даже разорвало ствол дуэльного пистолета, в результате чего Пушкин лишился кисти правой руки. Впрочем, книги от этого он писать не перестал, быстро приноровившись делать это левой конечностью. После каждой такой накладки часть сотрудников института, непосредственно в ней виновных, увольняли и брали им на смену настоящих специалистов, что пошло институту только на пользу. В скором времени в его стенах, кроме бездарностей и карьеристов, стали попадаться и люди, которые кое в чем понимали.

Между тем объем книг, выданных Пушкиным “на-гора”, все рос. Великий книгописатель перепробовал себя практически во всех жанрах и в каждом из них доказал свою гениальность. Написанные им книги приходилось печатать чуть ли не за сотню лет до его рождения хотя бы потому, что напечатать их за несколько десятков лет было практически невозможно. Их печаталось такое количество, что многие жившие в то время книгописатели, не выдержав конкуренции, напрочь бросали писать, а остальные и вовсе не начинали.

Впрочем, ученых всего мира это не сильно волновало.

Они все еще, причем безуспешно, пытались понять, почему, несмотря на то, что многие обороты карусели отличались друг от друга, как небо и земля, Пушкин неизбежно во время каждого из них был гениален. Правда, его гениальность тоже была то большей, а то и меньшей, но все же была. Отдельные неудачные витки можно было пересчитать по пальцам, да и то все они объяснялись чисто техническими причинами, как, например, девяносто восьмой, в котором няня Арина Родионовна уронила шестимесячного Пушкина на пол. Тот ударился головой и на всю последующую жизнь остался идиотом. А про то, что случилось в двести сорок восьмом витке, мне говорить и вовсе не хочется.

Кстати, там, в настоящем, где существовал институт по изучению Пушкина, тоже текло время. Бежали годы. Вот уже и бывший молодой специалист, запустивший “Карусель Пушкина”, ушел на заслуженный отдых, за ним и его преемник, потом еще один... А “карусель” все крутилась и крутилась...

У Пушкина же с каждым ее витком назревал некий кризис. Медленно, но неизбежно он исчерпал все более или менее крупные темы. Историю он уже прошерстил вдоль и поперек, описал те крупные и малые события, которые его интересовали, а о тех, к которым он был безразличен, понятное дело, Пушкин писать не мог. Все чаще и чаще его новые книги не очень-то и отличались от когда-то уже написанных. Вовсе не подозревая о том, что сам их когда-то и написал,

Пушкин то и дело ловил себя на “плагиате”, а от этого нервничал и много пил.

Да, еще одна вещь. Под воздействием его напечатанных в прошлом рукописей, оно, это прошлое, менялось, впрочем, не так сильно, чтобы дать Пушкину пищу для книги на абсолютно новую тему.

Несколько оборотов “карусели” Пушкин беспробудно пьянствовал, так ничего толком и не написав, а потом произошло нечто, что оказалось полной неожиданностью для института.

То ли на четыреста шестьдесят пятом, то ли на пятисот семидесятом обороте родился Пушкин, наделенный просто маниакальным чувством подозрительности. Наблюдатели поначалу этому не придали большого значения, а когда спохватились — было уже поздно.

Этот самый сверхподозрительный Пушкин заметил некую особенность...

Прежде чем продолжить рассказ, попытаюсь кое-что объяснить. Можете ли вы представить, сколько людей из будущего толклось вокруг Пушкина к тому времени? Уверяю вас — огромное количество. Были сотрудники института, которые следили за тем, чтобы он прочитал все, что было до него написано им же самим и издано под чужими фамилиями. Были сотрудники, которые следили за тем, чтобы не повторились ситуации, которые могли бы повредить его жизни или здоровью. А еще были сотрудники, которые подбирали бук-

важно каждый клочок, на котором он хоть что-то записал. И это не считая ученых, которым надо было наблюдать гения, так сказать, в его естественной среде обитания, досужих журналистов, время от времени вспоминая об этом эксперименте, который стал уже расхожей темой, такой же, как летающие тарелки и снежный человек, а также наблюдателей из общества защиты Пушкина, следивших за тем, чтобы его не подвергали геноциду, опасным экспериментам и вивисекции.

Так вот. Вокруг него толклась куча народа, и сверхпозрительный Пушкин заметил, что его окружают какие-то странные люди. Тут он задумался, отметил кое-какие особенности, потом понаблюдал еще и в результате пришел к правильному или почти правильному выводу. После этого он напал на одного из самых глупых сотрудников института, связал его и, приставив ему пистолет к голове, заставил рассказать все. Сотруднику очень не понравилась та штука, которая холодила ему висок, и он раскололся. Аут!

После этого Пушкину оставалось лишь обыскать своего пленника, и вот у него уже в руках портативная машина времени, в управлении которой может легко разобраться даже идиот, а не то что гений.

Короче, через минуту после этого ствол пистолета перестал тыкаться сотруднику в висок. Он исчез... так же, как и сам Пушкин.

Что тут началось! На поиски Пушкина отправлялись це-

лые экспедиции. Впрочем, длилось это недолго. Довольно скоро все сообразили, что искать гения можно хоть до скончания века и так и не найти. У него-то в распоряжении было все прошлое! Он запросто мог устроить себе базу где-нибудь, например, в меловом периоде. Попробуй обнаружить — где именно.

К счастью, за будущее можно было не волноваться. Один из парадоксов машины времени заключается в том, что на ней нельзя прыгнуть во времени дальше того момента, когда ее использовали в первый раз, больше чем на одну секунду. Нет, после того как вы ее используете, она будет вполне мирно лежать у вас в столе хоть десять лет. Но, использовав ее во второй раз, вы окажетесь в будущем опять же не дальше чем на секунду от этих прошедших десяти лет. Вот такой парадокс. На его тему в свое время была написана не одна диссертация.

Но вернемся к Пушкину. Того, что рассказал ему сотрудник института, оказалось вполне достаточно, и в скором времени наш гений объявился — да еще как! Полотно времени буквально завибрировало от его бурной деятельности. Как вы думаете, что он предпринял? Ну конечно, он запустил “карусель” по новой, но только теперь она крутилась под его контролем и для его целей. Происходило это так: Пушкин появлялся неизвестно откуда, хватал самого себя в возрасте шести лет и исчезал неизвестно куда. В следующий раз они появлялись уже вдвоем, и пока один похищал самого себя,

причем за несколько минут до того, как это случилось в первый раз, второй отнимал у всех присутствующих поблизости сотрудников института портативные машины времени.

С ним пытались бороться. Устраивались хитроумнейшие ловушки, которые он с легкостью разгадывал и сейчас же использовал против тех, кто на него охотился. Короче, в самом скором времени институт был вынужден ретироваться с поля боя, в спешке бросая отдельных сотрудников, которые сейчас же становились жертвами появлявшегося неизвестно откуда вооруженного отряда гениев.

Кончилось все тем, что с определенного момента сотрудники института осмеливались появляться во времени лишь как наблюдатели, а Пушкины остались настоящими хозяевами положения. Заметив это, они перестали обращать на представителей института какое-либо внимание, а для добывания машин времени стали использовать другой способ. Гении книгонаписания похищали их прямо с завода, на котором те производились. Кстати, поскольку законодательства о преступлениях во времени не было, их за это не могли даже судить. Как можно осудить кого-нибудь за кражу, которую он совершил через несколько веков после своей смерти?

Итак, гений взялся за дело и проявил действительно бешеный африканский темперамент. В результате его действий время трясло словно в лихорадке, оно буквально трещало по швам. Наблюдатели института доносили, что Пушкины так и шныряют из конца в конец истории человечества, так и шны-

ряют. Они сообщали, что один из Пушкиных стал торговцем с острова Крит, другой — афинским философом. Пушкин пил в кабачке с крестonosцами и кричал с мачты каравеллы Колумба: “Земля!” Он был алхимиком и рудознатцем, придворным шутom и белым дикарем на Соломоновых островах. Он прогуливался по Уолл-стрит и несся на коне, размахивая мачете вслед за Панчо Вильей. Он умирал от отравляющего газа на Ипре и падал, сраженный лихим ударом шпаги возле ворот Букингемского дворца.

Это длилось долго. Он познавал мир и людей, он наслаждался им, он пил каждое мгновение, потому что получил возможность испытать на своей шкуре то, что до этого мог испытать только в мечтах, за письменным столом. Он пытался понять жизнь во всех ее проявлениях.

Видимо, это ему удалось, потому что совершенно неожиданно Пушкины оставили историю человечества в покое и исчезли неизвестно куда, скорее всего вернулись в свое тайное убежище в меловом, а то и в юрском периоде.

Поначалу в это не поверили. Постепенно все более и более смелевшие сотрудники института прочесали историю человечества и не нашли в ней никаких следов гениальных книгописателей, конечно, если не считать тот отрезок времени, в котором тихо-мирно жил самый первый Пушкин и, даже не догадываясь, что по времени можно путешествовать, писал книгу за книгой.

Пушкины исчезли, канули неизвестно куда, и постепенно,

постепенно все стали успокаиваться. Сотрудники института мало-помалу опять обленились, газеты переключились на истории о летающих тарелках и предпринятых одним ловким голландцем поисках Ноева ковчега, директор института изучения Пушкина перестал вскакивать каждую ночь от тревожных звонков и даже стал обращаться к своему психоаналитику все реже и реже.

Через некоторое время все успокоились окончательно. В определенных кругах даже стали поговаривать о том, что неплохо бы, конечно, полностью учтя предыдущие ошибки, снова запустить “Карусель Пушкина”. Кое-кто об этом даже стал подумывать всерьез.

И вот тут они вернулись. Почти все наблюдатели отметили, что на этот раз Пушкины действуют по какому-то хорошо продуманному плану. По какому?

Этого пока никто не знал.

Пушкины снова буквально наводнили время. На этот раз они уделяли больше внимания науке, навигации, земледелию, зодчеству, экономике, письму... Они научили племена варваров новой, весьма действенной тактике, и Рим был взят на сто двадцать лет раньше. Благодаря их действиям эпоха Ренессанса наступила раньше лет на двести, а Колумб открыл Америку раньше на триста лет и, подплывая к ее берегам, уже знал, что перед ним новый, совершенно неизведанный материк, а вовсе никакая не Индия. И так далее, и так далее... Они плавил руду и создавали прекрасные картины,

они ваяли чудесные скульптуры и придумывали осадные машины, в самодельных водолазных колоколах они опускались на дно моря и делали опыты с электричеством. Они изобрели порох на пятьсот лет раньше, чем он должен был быть завезен в Европу из Китая, и придумали египетскую азбуку, благодаря чему иероглифическое письмо так и не возникло.

Они взялись за время по-настоящему, и оно узнало, что такое большие потрясения. Они оказались настолько сильными, что отголоски этих потрясений достигли настоящего, которое тоже стало изменяться. Откуда-то стали появляться ученые, делавшие одно за другим самые удивительные открытия, в результате чего появилось множество аппаратов, до этого существовавших только в фантастических книгах. Естественно, изменения происходили и на более мелком, бытовом уровне. Директор института изучения Пушкина, проснувшись однажды утром и обнаружив, что превратился в негра, глубоко задумался и, запершись в своем кабинете на полдня, в конце концов выскочил из него с диким воплем:

— Понял! — кричал он. — Я понял!

— Что? Что? — наперебой стали спрашивать высыпавшие в коридор сотрудники. — Что вы поняли?

— Я понял — они складывают время, как гармошку. Они пытаются путешествовать в будущее. Поскольку с помощью машины времени этого сделать нельзя, они просто передвигают будущее к себе, делают его ближе и ближе.

В тот день свежие газеты так и пестрели заголовками типа:

“Наш президент сделал предложение президентам всех других стран объявить мир на военном положении”, “В Принстоне открыта новая церковь “Пушкина — создателя”, “Все мы погибнем”, — предсказывает великий экстрасенс Кошмаровский”, “Ученые в очередной, похоже, последний, раз выпустили из бутылки джинна”, “Гений пытается познать время, пытается подчинить его себе, пытается определить, что более бесконечно: оно или его гениальность”, “А как же известное определение — гений и злодейство несовместны?”

Во многих городах возникли беспорядки. Бесчисленное количество преступников заявило, что совершили свои преступления лишь из-за того, что Пушкин изменил время, и на этом основании подали кассационные жалобы. Количество сумасшедших увеличилось неимоверно. Президент страны после произнесения речи, призывающей сограждан к порядку и спокойствию, в течение пятнадцати минут пытался вспомнить имя своей жены и, так и не преуспев в этом, обратился за помощью к охране, которая ему напомнила, что тот закоренелый холостяк. Это было уже слишком. Президент зарыдал. Через час, совершенно успокоившись, он объявил всеобщую мобилизацию. Еще через час он произнес речь, в которой было сказано следующее: “...Мы наводим каждую минуту прошлого нашими солдатами. Мы объявляем войну во времени, и, я уверен, мы победим, поскольку в противном случае мы просто перестанем существовать!” К концу речи

президент стал рыжим, а нос его увеличился по крайней мере на пару сантиметров. Впрочем, это не помешало ему закончить речь и удалиться на совещание поспешно сформированного государственного комитета по экстренным мерам спасения стабильности времени.

И война во времени, несомненно, разгорелась бы, причем совершенно не ясно, кто бы ее в конце концов выиграл, но тут в ближайшем аэропорту опустился корабль межгалактической федерации. На несколько часов о войне забыли — встречали пришельцев. Когда же отгремели ответственные речи, президент объяснил представителям межгалактического содружества, в каком положении находится Земля. Кстати, я забыл сказать, что среди них находился и ваш скромный слуга. Конечно, быть представителем межгалактической федерации отнюдь не является моим постоянным занятием, но так получилось в силу определенных событий, немалую долю в которых сыграла шляпка церемониймейстера богини Ксантуны, а также недавно разыгравшиеся на планете Джамп события, о которых все еще, несомненно, помнят. Короче, я входил в число представителей, и поскольку был среди них самым большим специалистом по времени, а также умел управляться с некоторыми специальными приборами, то помогать землянам пришлось мне.

И я не ударил в грязь мордой. Разобравшись в проблеме с помощью одного прибора, который назывался Электронной Временной Ищейкой, я через пару часов обнаружил базу

Пушкиных. Находилась она в палеоцене. Используя симбиота с планеты Ксаннус, который, как всем известно, позволяет изменять свой облик, я принял вид коренного землянина и смело отправился в лагерь гениев.

На счастье, почти все Пушкины были на месте. Увидев меня, они ничуть не удивились, поскольку, как потом уже мне объяснили, допускали мысль, что рано или поздно столкнуться с кем-то, кто понимает во времени не хуже их. Они переглянулись, и из их толпы вышло трое Пушкиных, казавшихся несколько старше других. Очевидно, они были чем-то вроде совета старейшин.

Меня провели в большую хижину, сложенную из грубо обработанных стволов деревьев, и усадили на самодельный стул. Хорошо понимая, что это единственный путь завоевать доверие Пушкиных, я подробно рассказал, кто я такой, и даже на минуту снял маскировку, чтобы они могли увидеть мой настоящий облик.

Меня забросали вопросами, на которые я подробно ответил. Когда первое любопытство Пушкиных было удовлетворено, я исподтишка перевел разговор на цель своего визита и попытался объяснить им, к каким последствиям приводит их деятельность во времени. Я рассказал им и доказал, используя все известные мне и пока еще неизвестные на Земле формулы, что время нельзя сминать до бесконечности, словно салфетку, рано или поздно в нем появятся разрывы, и тогда начнутся глобальные катастрофы, которые приведут

к уничтожению всего живого на планете Земля.

Мои доводы возымели свое действие, и Пушкины, посоветовавшись, пообещали оставить время в покое. В конце нашего разговора один из них сказал:

— Да, вы правы, эксперименты со временем слишком опасны и кроме того... они уже стали нам надоедать. Понимаете, как бы это сказать... пропало ощущение новизны, что ли... Ну не важно, главное, мы их прекращаем. Тем более что есть кое-что, что нас сильно заинтересовало. Космос. Расскажите-ка нам поподробнее о нем. И о других планетах. И о галактиках. И вообще...

Улыбнувшись про себя, я начал рассказ.

Мой план сработал. Именно этого я и хотел. Пушкины заинтересовались космосом. А что может быть наименее познаваемо, чем вселенная? Она — бесконечна. Уверен, познать ее до конца не под силу даже и гению, по крайней мере до такой степени, чтобы натворить крупных бед.

Белый крокодил достал очередную сигару и с хрустом откусил от нее кусок. Прожевав его, он задумчиво сказал:

— Правда, теперь, по прошествии некоторого времени, эта мысль не кажется мне такой уж превосходной. Кто знает, на что способны эти гении? Вдруг они могут объять необъятное? Они встречаются так редко, что никто не может совершенно точно сказать, до каких пределов может распространяться их познание мира. Не знаю, ничего не знаю, но последнее время я испытываю некую тревогу. Что-то в на-

шей вселенной стало не так, что-то изменилось. Вот, например, эти книги. Я, конечно, понимаю, они вошли в моду, поскольку нигде до этого в галактике ничего подобного не возникало, никому просто в голову не приходило их писать. Но уж больно их стало много. Не слишком ли? Теперь их пишут чуть ли не на каждой населенной разумными существами планете. Причем пишут расы, которые до этого ни о чем подобном и не помышляли. Если вспомнить, с чего на Земле все это начиналось, то становится просто не по себе... Не знаю...

Он вздохнул и, скорбно покачав головой, отправил в рот остаток сигары.

— Да нет, — сказал я. — Быть этого не может.

— Да, — согласился со мной крокодил. — Вот и я говорю себе, что этого не может быть. Но все-таки...

В этот момент корабль едва заметно вздрогнул, и по коммуникатору объявили, что мы сели на планету Макдуф. Белый крокодил вскочил и, наскоро со мной попрощавшись, убежал. Через несколько минут его место занял серый, трехногий, очень грустный коптианец, который почти мгновенно заснул.

Звездолет снова взлетел. Минут через пятнадцать появилась стюардесса. Волосы у нее были зеленые, а глаза оранжевые. Она предложила мне стаканчик лимонада. Я рассеянно отказался, и стюардесса ушла.

Рассказ белого крокодила все не шел у меня из головы.

Не был ли он самой обычной выдумкой? Все знали, что белые крокодилы частенько свои рассказы просто выдумывают. На планетах, которые часто посещали белые крокодилы, про наивного простака обычно говорили: “Он поверил белому крокодилу!” Но все-таки?.. Уж больно правдиво он звучал. С другой стороны, ни о какой планете под названием Земля я и слыхом не слыхивал, а за все время моих долгих путешествий я ни разу не встречал даже упоминаний о человеке по имени Пушкин.

— “Нет, — в конце концов решил я. — Все это обычный треп и не более... Этого быть не может, потому что этого не может быть”.

Решив так, я выбросил историю белого крокодила из головы и, открыв книгу, стал ее читать. Книга принадлежала перу некоего Лю Фаронга с планеты Педжус. В ней рассказывалось о похождениях знаменитого межгалактического гангстера со странным, явно педжунским именем — Дубровский.

H

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.